

Исторія испанской литературы въ XVI вѣ.

средства къ жизни, обратило вниманіе его вниманіе на литературу болѣе, чѣмъ въ какой-либо изъ предшесву, ющихъ периодовъ его жизни.

На основаніи одного сатирическаго сонета, приписываемаго Гонгора (Gongora), полагали, что Сервантесъ получилъ отъ герцога Лермы приглашеніе отпущать праздношествовать въ честь англійскаго посланника Тобарда, имѣвшаго мѣсто въ 1602. Но подлинность сонета сомнѣвается, и, по мнѣнію Тикнора, онъ не допускаетъ того толкованія, которое даютъ ему. Была также высказана догадка, что въ томъ же самомъ 1602. Сервантесъ написалъ въ Вальядолидѣ, на пятидесяти листахъ in 4°, отгезъ о празднествахъ, происходившихъ тамъ по случаю рожденія Филиппа IV. Но онъ былъ тогда слишкомъ мало извѣстною личностью, чтобы получить подобное порученіе.¹⁾

Возвращаясь еще къ Дотъ-Кихоту, надо сказать, что ринтозитъ сурраетъ, прерывшуро такіе глубокие корни во вѣтъхъ классахъ обидеуба, озвразуръ его отъ того единственнаго гнетія, которое можно счизать самымъ моднымъ и популярнымъ для того времени, — было, конечно, съильнымъ предпріижемъ, которое не могло никакимъ образомъ исходить отъ челоубка съ надорванной и разгарованной душой, не имѣющаго вѣрны въ то, что созавидеть лугиную принадлежность нашей природы.

¹⁾ Сн. Испанскій переводъ книги Тикнора, Том. II. №. 550.

или родезвенниковъ? „Мужъ“ отвѣтали онъ, рѣдая. „Такъ отчего же вы такъ плачете?“ снова спросилъ онъ, еще бо-
льше удивленный. „Ахъ!“ — отвѣтали онъ: „Ахъ, да съуметь!“
До этихъ поръ онъ дожидали.

Къ этому же періоду литературной дѣятельности Серван-
теса принадлежатъ и некоторые новеллы, какъ напр.
„Civioso Impertinente“, включенная въ первую часть
„Донъ-Кихота, и „Rinconete y Cortadillo“, упоминае-
мая тамъ, такъ что оба онъ могутъ быть отнесены
къ 1604 году. Последнюю новеллу „Rinconete и Корра,
дядя Сервантеса посвятилъ изображенію плутовскія
правовъ Севильи.

Изъ всей обширной литературы плутовскія новеллы
едва ли найдется еще одна, которая могла бы соперни-
чать съ этою новеллою Сервантеса въ художественномъ
отношеніи. Герои Сервантеса — это живые люди, живу-
щие своей содѣянной жизнью, и воплощающіе свою опре-
дѣленную нравственную физиономію. Изъ попури,
проломленному дружки, Сервантесъ оставилъ далеко
за собою своихъ предшественниковъ. Вместо наив-
наивнаго разсказа Лазарилло онъ даетъ намъ на,
сродницу художественную картину изъ жизни Севиль-
скихъ рисаговъ, озаренную мыслью, осмысленную
психологически и мотивами. Съ замечательной
силой анализа онъ выславляетъ весь бредъ одного

вотшняго благочесія, не имѣющаго ничего общаго
 съ истинными христіанствомъ, но вполне государственна,
 то, что въ заглавіи въ плусть сферахъ Божійи и уни,
 чтоширъ въ его думъ послѣдній оудажоу совѣсти.
 Плусть, описанныя Сервантесомъ, искренне удостѣжде,
 ны, что если законъ и прозвѣвъ шиль, то, взаимноу
 эго, посредствоу исполненія внышнихъ обрядовъ,
 они обезпечили за собою покровительство Божества
 и объясняютъ не иначе какъ гудовъ, что однимъ изъ
 шиль не крикнулъ подъ ударомъ палача. Обиліе
 дералей и зонкоуеу характерисесики миль произ-,
 водяуъ полную иллюзію, козороу еще больше усили,
 ваеуеу уноуредленіемъ на каидомъ мауу словъ и
 выразеній изъ профессиональнаго жаргона плуствоу,
 слушающимъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что
 повелла Сервантеса возникла на почвѣ реального
 изученія изобразительной среды. 1)

Трезій періодъ

литературной дѣятельности Сервантеса.

(1605 — 1616).

Въ это время Сервантесъ написалъ свои крупнѣйшія
 произведенія. Съ 1606 по 1611 г. онъ проживалъ
 опять въ Мадридѣ, благородно переносивъ свое суровое
 положеніе, нѣкозоримъ облегченіемъ козорого онъ обя-,
 занъ былъ расположенію графа Лемосскаго и архіе,

1) О ней рѣчь будетъ еще впоследствии.

писателя Сандовала Толедского, — так как популав, шест и тогда вознаграждение за его литературные труды было крайне умеренно. Сервантес теперь преследуется всего продолжал писать повелла. Около этого времени, по всей вероятности, была написана La Tia Fingida („Истинная дурка“); ибо, не смотря на то, что она („Tia Fingida“) была найдена вместе с „Rinconete y Cortadillo“ и несколькими другими повеллами и очерками в одном рукописном собрании мезорий и бедной смыш, сдланном в 1606—1610 го, так же увелеления архиепископа Севильского Д. Фрер. кандо Нинсо де Тебара. Вероятно, в 1611 году написана „Esrañola Inglesa“ („Испанка-Англиканка“), основанная так же на „Rinconete y Cortadillo“ и других на современных событиях.

В 1613 г. Сервантес издал в одном томе двенадцать „Моравоучительных повестей“ (Novelas Ejemplares или Exemplares). Несколько из этих повелл были написаны несколько раньше, как напр. „Curioso Impertinente“, „Rinconete y Cortadillo“, „Tia Fingida“ и „Esrañola Inglesa“. Другие появились в этом сборнике в первый раз. Первая из этих повелл „Испанская цыганка“ есть мезория прекрасной Прециозы, украденной еще ребенком из одного благородного семейства и выросшей среди дикой жизни цыган, этого

загадочного и удивительного племени, которое, за исключе-
 нием последних пиджески мэр, посредником про-
 цвело в Испании со времени своего первого появ-
 ления за в XV столетии. В отдельных случаях
 этой маленской истории мы находим правдоподобности
 живопись, которых не могла произойти колланиями. описа-
 ние первого появления Претioso в Мадрид во время
 большого религиозного праздника, эрфреку, произве-
 денный на улицах ее пением и пляской, ее посто-
 яния богатырь домов, куда призывали ее для увеселе-
 ния иль обязанности, разговоры, похвалы и предсав-
 ление — все это изображено удивительно рельефно
 и не оставляет никакого сомнения в истинности и ре-
 альности самых фактов. Но в повелении есть другая
 мьса, высказывающая характер цыган в невольном
 счастье; они одыны своим происхождением скорее
 таким подражанием, как английское *Life of Ram-
 fude Moore Sate*, чья знакомству с жизнью этой,
 данность цыган в Испании. Однако, этот рассказ
 очень правдив и несколько раз обрабатывался в
 Испании в драматической форме. Иль пользовался
 и в других сраках для различных целей и, между
 прочим, иль пользовался Карль Мария Федерь для своей
 оперы „*Pretiosa*“.

Следующая повеление другого рода, но также не выхо-

дуть изъ личной точки зрения самого Сервантеса. Она назва-
на была „Благородный любовникъ“ и имѣеть сюжетъ погони
огунаковой съ эпизодами, безъавлетималъ въ „Los Tratos
de Angel“ (Алжирскіе нравы). Действіе происходитъ на
на Кипръ въ 1570 году, два года спустя послѣ взятія
этого острова турками. Сюжетъ ея основанъ на приключе-
ніяхъ, пережитыхъ имъ самимъ въ Алжирѣ, который
выпестъ съ тѣмъ дозрвали ему материалъ и колоритъ
для турецкаго элемента въ его разсказѣ; живосъ описа-
ній свидѣтельствуетъ о томъ, какъ много реального
въ этомъ произведеніи.

Прежде новелла „Rinconete y Cortadillo“, которой мы
уже коснулись раньше, въ своемъ очеркѣ не похожа на
другія. Она содержитъ занимательную и живую исторію,
царская вкусу публики, а сюжетъ бытъ, илтъяется ориги-
нальною плутовскими хитростями, Сервантесъ посвятилъ
эту новеллу изображенію плутовскихъ нравовъ Севильи.
Итакъ это — написанная отчасти въ стилѣ рисованной —
исторія двухъ молодыхъ скитальцевъ, которые прислаются
въ 1569 году въ Севилью къ одной изъ фирмъ организа-
ціи такъ разбойниковъ и бродягъ, которые сообража-
ють частое явленіе въ исторіи испанскаго общества и нра-
вовъ за послѣднія три столѣтія. Царство имѣ предводителемъ
зель Мотинодіо съ перваго раза напоминаетъ Алжирца
въ романѣ Валсгеръ-Скорра „Kigel“ и сходство дѣлается

задать еще больше очевидным, когда въ „Разговорахъ со,
 Бакъ“ мы находимъ того же Мониподіо въ займочъ союзъ
 со слугами правосудія? Чтобы показать, съ какою върною
 Сербангезъ рисовалъ съ натуры, доизаочно одной чертой.
 Члены этого союза, бедущіе само распущенную и без,
 табашную жизнь, вносили въ жизнь суетварны, почита,
 ютъ иконы и постыщаютъ мессы, вносили лепку на
 благозвонимый угресидетія, какъ будто бы разбойни.
 кезво било законнымъ и пошенившимъ замдзіемъ, ксерс
 доходовъ съ козорого должна быть удалена на религіоз,
 ная цѣли, чтобы жить освѣдженъ осадельную часкъ. Это
 заблуденіе существующе въ Испаніи въ формаль то
 ельшномъ, го возмущенномъ съ самыхъ раннихъ
 временъ и вполнѣ до нашихъ дней. Уровняйтю иже,
 речно, что когда Ринконере, впервые познакомились
 съ однимъ изъ разбойниковъ, спрашиваеъ его:

„¿En vnesa merced por ventura ladron?“

(А Ваша милость зоме разбойникъ?) Тогда отвѣта,
 етъ: *Si, para servir à Dios y à la buen gente?*

(Да, я разбойникъ, чтобъ служить Богу и добрымъ людямъ).
 Не менше удачны и върны дѣйствительности сцена при,
 нядя въ число разбойниковъ Ринконере и Коррадиго
 и го, где две беззвонная менцины этой тайки сфера,
 юзея западе съ свѣтами, чтобъ возметь ихъ, какъ благо,
 гесривид притомеиід, передъ связыми мадронами. Изъ

Имя „Мониподіо“ — народное искаженіе слова „Мониподіо“
 и смыслъ его здѣсь равносильный слову „помещицезво“.

Этой повелли и изъ некозгорскихъ *Extremeses* Сервантеса видно, что онъ былъ хорошо знакомъ съ шизнскою жоданъ, ниль боробъ и разбойниковъ.¹⁾

Легко было бы поиди далтъе и показатъ, какъ ожалъ, ний повелли изодилуторъ ражими оие черрами, палми, ии правды и есресуветности. Сюда оумоститъ, наипр., разсказь о приключенидлъ испанской добушки, увезенной въ Англию послъ разграбленія Кадикса въ 1596 году, это - „Испанка-Англианка“ (*Esrañola Inglesa*);²⁾ закъль „Ревнивей Дозремадуриецъ“ (*El Celoso Extremeno*) и „Обманное сунрусьеерво“ (*Casamiento Engañoso*), очевидно основанныя на днйшувидельныхъ франкахъ, даме „Миллйя гезка“ (*La Tia Tingida*)³⁾ предсавляеть разсказь о днйшувидельно случившемся въ Саламанкь въ 1575 году. Верроуль, ний и оригинальный разборъ. Этой повелли находится у Д. Вартъ. *José Gallardo* въ первомъ номеръ его „*Criticón*“ 1835 года. Новеллой „*Licenciado Vidriera*“ воспользовался Морейо для своей пьесы съ тильме заглавилье, но по, слондилья изобразилъ безумие лиценциата прихворновиль, а не днйшувидельнаиль, и срадаеть педосудкомъ чонора, изодилующаго у Сервантеса. Подъ названилье „*Licenciado*“ Флорантъ издалъ плохое сокращение повелли, „*Fuente de la Sangre*“. Въ скоромъ времени онъ были переведены на друге языки.

Первый хороший переводъ на французский языкъ сдвлялъ Вярдо.⁴⁾ Мелче изъ эиль повелли были переведены на английский

1) С.м. *Don Quixote* въ сочиненіи „О Географическихъ поэманияхъ Сервантеса“ (*Historia Geográfica de Cervantes*. Madrid, 1840).

2) О ней рого была уже ранъше.

3) Этой повелли ии рогие коснулись уже ранъше.

4) Paris, 1832, 2 Tom.

языкъ въ 1640 году. Этого старый англійскій переводъ, сою.
латинскій *Мэбблль*, Годвинъ называетъ „самымъ образцо-
вымъ прозаическимъ переводомъ, существующимъ на
англійскомъ языкѣ“.

Все эти повелли, какъ видно изъ предисловія Серван-
теса, самоподражательны и по болшей части основаны на его
личной опытности и личныхъ наблюденьяхъ. Онъ гово-
ритъ, что эти повелли были старыишинами на кастиль-
скомъ нарѣчьи (*Yo soy el primero que he novelado en
lengua Castellana*), что его предшественники въ новел-
ляхъ заимствовали свои произведенія изъ другихъ язы-
ковъ. Онъ намекаетъ здесь на „*Novelas*“, которыхъ, за исклю-
ченіемъ только графа Луканора (*Conde Lucanor*), входили
тогда въ моду и заимствовались съ французскаго, какъ
это у Тимонеды (*Timoneda*) и др. Достоинства повелль
Сервантеса не одинаковы, поэтому то онъ написаны
съ различными цѣлями и озвучаются разнымъ
образомъ въ стилѣ и манерѣ, какого не занимается
ни въ одномъ изъ произведеній Сервантеса; болшая
часть ихъ озвучена оригинальными особенностями
его таланта, полна того увлечущаго красноречія и
тотъ увлекательныхъ описаній природы, которыхъ всегда
съ закономъ легкостью исходятъ изъ подъ его пера. Онъ имѣ-
етъ мало общаго съ граціознымъ повеллистическимъ
геніемъ Боккаччо и его послѣдователей и еще меньше

1) Mabbe, London, 1640, folio.

со строго практическимъ зономъ разказовъ Дона Хуана Мануэля; съ другой стороны, иль нельзя сравнивать, иль мнѣ кажется развъ *Cucioso Impertinente*¹⁾, съ злыми короткими повѣстями, который были въ ходу въ другихъ странахъ въ последнее столѣтіе. Чѣмъ больше мы изучаемъ ихъ, тѣмъ больше удивляемся, что они оригинальны по отношенію къ композиціи и общему зому и посвяръ на себя оригинальнѣ индивидуальнаго гениа иль автора и особиль чертъ національнаго характера, что составляеть, безъ сомнѣній, причину иль неуспѣвающей популярности на родинѣ и низшей, чѣмъ они заслуживаютъ, оцѣнки въ другихъ странахъ. Какъ произведенія зворгической фантазій, они занимательнѣ мнѣшо непосредственно за *Don Quijote*, но по правдымости и прелести стиля превосходиль его.

Всѣ эти повелли выросли на богатой почвѣ національнаго характера, каковыи они являются въ Андалузій; при зомъ они написаны закономъ сочного киевца, съ закономъ мнѣ, восвѣсто и подлицесвѣсто, что до сихъ поръ ощущается недосѣ, гасклыми образцами зого рода повѣстей, который введены или въ испанскую литературу. Эти повелли Сервантеса, безъ сомнѣній, составляють послѣ *Don Quijote* самое лучшее изъ его произведений и наибольшѣ заслуживаютъ зого. Нельзя, при зкомъ поззому, пройти молчаніемъ одного свидѣтельства на иль сездѣ. Въ *Loquaz* *Life*

¹⁾ Безразсудное любопытство.

of Scott¹⁾ рассказывает, что Валтеръ Скоудъ, выразивъ свое безграничное удивленіе передъ Сервантесомъ и гово-
ривъ, что „Novelas“ этого писателя наполнили его голову
честолюбивыми мечтами превзойти другихъ въ области
поэтического вымысла, и что онъ до своей послѣдней бо-
лезни думалъ иль поощривалъ и усердивъ читате-
лемъ: Въ предисловіи Сервантесъ объясняетъ смыслъ, ко-
торый онъ желаетъ придать слову *ejemplares* // *ejemplares*,
говоря: „Я даю имъ названіе образцовыхъ (*ejemplares*),
потому что если бы вникнуть въ нихъ, то въ нихъ иль
назъ ни одной, откуда нельзя было бы извлечь образцовъ
для подражанія“ (*Heles dado nombre de ejemplares, y si
bien lo miras, no hay ninguna de quien no se puede sacar
algun ejemplo provechoso*). Слово *ejemplo* со временемъ пре-
свицера Лизсакаго и Дона Хуана Мануэля имѣло значеніе
направленія или направительнаго разказа. Доче повто-
ряю: „Novelas *ejemplares*“ составляютъ самое удачное про-
изведеніе Сервантеса послѣ его *Донъ-Кихота*. Въ девять
кнзъ она содержалъ десять изданій.

Теніи Сервантеса встречаются всего рже въ такъ
„Новеллахъ“, которыя рисуютъ народную жизнь, или же
возникли изъ содѣянныхъ воспоминаній автора, ка-
кова: „Маленькая“ или „Мадридская цыганка“, „Сзелан-
ный Лицезиаръ“, „Ревнивый Дуренадурецъ“, „Благо-
родная горничная“, „Прыга въ Англію“, „Великодушный любовникъ“.

¹⁾ London, 1839. Vol. X. p. 187.

²⁾ Испанка-Англичанка.

Въ 1614 году, черезъ годъ послѣ изданія „Обращовыхъ новостей“ Сервантесъ напечаталъ свою поэму „Viaje del Parnaso“ („Путешествіе на Парнасъ“), садиру въ зреломъ возрастѣ, раздѣленную на 8 короткихъ главъ. Путь Сервантесъ рассказываетъ о призывѣ Аполлона къ себѣ на помощь всѣхъ хорошихъ поэтовъ для изгнанія съ Парнасса бездарныхъ; вѣстившіе этого Меркурій отправился къ Сервантесу на великолѣпномъ кораблѣ, аллегорически оснащенномъ различными родами стиховъ, чтобы заимо спросить у него совета о томъ, какъ жить испанскимъ поэтамъ поэтиче въ союзники для борьбы съ дурными вѣхами; это даетъ ему поводъ высказать свое мнѣніе относительно различныхъ вопросовъ, касающихся тогдашней поэзіи.

Самую интересную часть составляетъ четвертая глава, въ которой онъ слегка касается содѣянныхъ произведеній. Между прочимъ онъ говоритъ о написанныхъ имъ романахъ:

Yo he compuesto Romances infinitos,
 Y el de los Felos es aquel que estimo
 Entre otros, que los tengo por malditos.

(Я написалъ множество романсовъ;
 Романсы о Ревности я считаю выше всѣхъ,
 Служа ослѣпленныя проклятымъ).¹⁾

Также онъ говоритъ съ веселостью, доказывая, что его

¹⁾ Въ эти романы поэтъ въключилъ также, которые разсѣяны въ его болѣе обширныхъ сочиненіяхъ, ни вошли въ *Compendio General*.

добродушие, по отношению къ бедности и пренебреже-
 нию, выпавшимъ на его долю. Трудно провести черту
 между злыми губернаторами, которыхъ Сервантесъ злѣе наздой,
 чѣмъ высказываетъ, и родеветскими или губернаторами герцо-
 гинья и зисеславид; однако, если принять въ соображе-
 ніе его гетий, лименія и мушесветичу Борбу про,
 чѣмъ самыхъ злѣешихъ и зисесветныхъ несправедл. и если
 прибавить къ этому его безпечность и прозоду, съ которою
 онъ поспѣшно говоритъ о себѣ, и стисхотиденіе, которое
 онъ высказываетъ къ другимъ, то едва ли многие рѣшатся
 порицать его за то, что онъ съ тѣмъ-же достоинствомъ
 высказываетъ призыванія на погесри, право на котораго
 онъ сознавалъ за собою, но въ которыхъ судьба ему упор-
 но отказывала. Мы знаемъ поучительную биографію Сер-
 вантеса, его вѣтничу Борбу съ бедностью, сократившую
 его жизнь, но не забывавшую его разлюбить геловѣ,
 герцо. ✕

Въ концѣ онъ прибавилъ юмористическій діалогъ
 въ прозѣ подъ названіемъ „Adjunta“, въ которомъ защи-
 щаетъ свои пьесы и нападаетъ на авторовъ, отказывающих-
 ся представлять ихъ. Онъ говоритъ, что написалъ 6 длин-
 ныхъ пьесъ и 6 интермедій (Entremeses) и фарсовъ, но
 театръ и публ. свѣтъ оплачиваемыхъ поэтовъ и поэтовъ
 ничего не принималъ отъ него. Въ слѣдующемъ году,
 когда онъ былъ уже авторомъ 8 театральн. пьесъ и

и инфернедид, онъ намель для нихъ издавель, хотя не безъ зрудности, поэтому что книгопродавецъ, какъ онъ за-
мечаетъ въ предисловии, былъ предупредитель одними
благородными писателями, что проза Сервантеса прише-
сетъ ему болшии барыши, а поэзия — никакими. М дъи,
субизельно, положеніе его на сцене было незавидное.

Тридцать леть прошло послѣ первыхъ драматическихъ
его успѣховъ, и болшая часть изъ написанныхъ имъ для
театра пьесъ была уже забыта пудликою. Отъкозоровъ
онъ вспоминаеть съ болшими удобствами. Напр.
изъ числа его раннихъ пьесъ „Confusa“ была очевидно
наиболше любима имъ. Въ „Viage del Parnaso“ онъ го-
воритъ о ней: Soy por quien La Confusa nada fea
Pareció en los teatros admirable.

(И это за того, кто поетъ La Confusa
Маходитъ удивительной на сцене).

Заключень въ „Adjunta“: De la que mas me precio fue y es,
de una llamada La Confusa, la qual, con paz sea dicho, de
quantas comedias de capa y espada hasta hoy se han repre-
sentado, bien puede tener lugar señalado por buena entre
las mayores. (И этоны выше всѣхъ пьесъ, называемыхъ La
Confusa; въ ряду пьесъ плаща и шпаги, предзавлеченныхъ
до сего поръ, она можетъ снзаться хорошею даже среди
лучшихъ). Не слѣдуетъ забывать, что эта похвала само-
му себѣ написана въ то время, когда Сервантесъ на-

печаль взором гасит Дочь. Килоза и когда Лоре де Вега и его школа сошла на высоту своей славы. „Это великое чудо природы, Лопе де Вега, возвысился до неограниченнаго владычества на сцене, подчинилъ ее своимъ приговорамъ и поставилъ вѣтвь актера въ зависимость отъ своего суда. Она наполнила сцены прекрасно пати, сантими пасами; и если нѣкоторые (а такихъ было много) возмани съ нимъ въ соперничество и желали раздѣлить его славу, во вѣсь эту вѣтвь не производили и половины того, что онъ писалъ однимъ“.

„Потомъ на Парнассѣ Сервантеса, въ родуко пати, сама въ подражаніе одной италіанской сарити, *Viaggio del Parnaso* Гезаре Капорали назывъше сложилъ и зѣльше раздѣлывъ; но эту сочиненію Сервантесъ подражалъ только въ самомъ началѣ, его поэма въ нѣтъ раздѣли, нѣтъ италіанской; однако, она не отличается большими доскональностями и не имѣла цѣльша болѣшого.“

Въ это же время Сервантесъ опять сочинилъ нѣсколько драмъ, стараясь подражать современному вкусу въ своихъ шуточныхъ и издержитель, хотя пресиде рѣзко высказался въ своей поэме „Потомъ на Парнассѣ“ (*Viage del Parnaso*) противъ французскаго направленія новыя испанскія драмы. Безсудственно по поводу, что поприще, которое открывалось передъ нимъ, когда писалъ онъ свои юномескія пьесы, было теперь для него

Пьеса оканчивается мабризанской свадьбой и люченистой
друсериань. Знаменитая часть ее основана на драматическом,
новом факте. Сервантес сам говорит о ней:

No de la imaginacion. He franquia obligada
este trato se sacó, Эгож сюжет свой. Не происхождения;
Que la verdad lo fraguó Мериона, a me
Bien lejos de la ficcion. Былимысь произвели его?

Анодопана эта пьеса и потому, что Лопе де Вега сделал
ее дозройной для того, чтобы воспользоваться ею для своего
содержательного „Esclavos en Argel“.

Другая пьеса, основанная также на истинном
происшествии, есть „El fallado Español“ (Сильный Испанец?).
Ее герой по имени Сааведра и поэтоту, который был,
мать зой самой древней фамилии, с которой много раньше
вступила в родственные отношения фамилия Серван-
теса, отправляется на некоторое время к Маврамм, выйд,
србие касающагося одной дамы дала черки, но повсюду
ведеть себя, какъ истинный испанецъ, особенно въ
утомленномъ обращеніи съ даммой.²⁾

Часть этой пьесы состоитъ въ роли веселого и хваст-
ливого солдата, который шибетъ зымъ, что выпраши,
вад милосрдно для думь, образованныхъ въ черкилицы,¹⁾
упреждаеть ее на удовлетвореніе содержательного одмор,
срва. Сгноиды, напримать, будучи въ большой опасности,

1) или „Брабрий испанецъ“.

2) Вообще испанская мораль пьесы — все для любви и славы — хорошо
выражено въ двухъ слѣдующихъ стихахъ второй jornadas:
Que por teñir y por amor no hay culpa, Вдальк власки и любви мадъ зой
Que no tenga perdón, y halle disculpa. Которая не заслуживала бумь,
меней.

онъ похитилъ какъ, какъ будто ехалъ, Облака Аристо,
франс: Animas de Purgatorio! Души Чистилища,

Favorced me, Señoras! Помогите мнѣ, синьоры!

Que mi peligro es notorio, Опасность моя вамъ известна,
Si ya no estais en estas horas эсли бы въ настоящую минуту
Dormiendo en el dormitorio. Не спите въ вашей спальне.

Въ концѣ Сервантесъ говоритъ, что его главного цѣлью
было: mezclar verdades. Смѣшать истину
Con fabulosos intentos. Съ вымыслами.

„Султанша“; героиня этой пьесы, Казарина, отправилась
въ Константинополь полагая въ 1600 г., говоритъ
Сервантесъ: Le vino à Constantinopla,

Creo el año de seisientos,

какъ была современницей Автора. Пьеса основана на
исторіи одной испанской плышницы, которая приобрѣла
такое расположение султана, что стала не только
фавориткой, но и наследницей султаншей, не переставая
быть Христіанкой, — разсказъ, который легко вѣрили
въ Испаніи, хотя только первая половина его согласна
съ истиннымъ.

„Rufian dichoso“ — Это Донъ-Мигель по части свободныхъ
правовъ и пресупленій, который обращая на путь
истины и дѣлается съюль необыкновеннымъ свѣдѣмъ,
что для того, чтобы искупить душу умирающей зрѣи-
ницы, Донси Антони де Тревиньо, онъ формально пере-

зредляежь оба слова (jotnada и асто), какъ совершенно
равнозначущія. Въ каждой тесетъ явлѣеяся шутка
(fracioso), которой въ одной изъ нихъ предшавляетъ
духовною особой. Въ „Los Baños de Angel“ (Алмирскій
здоровица), гдѣ авторъ не разъ выражаея доволно безъ
церемонно, какъ напр., когда онъ говоритъ, что прии-
на, почему его старый генералъ Донъ Хуанъ Австрий-
скій не взялъ Алмира, заключаетъ въ слѣдующемъ:

Sin duda, que, en el cielo, „Нѣтъ никакого сомнѣнїя, что на небѣ
debía de haber gran guerra, въ это время свирѣпствовала страшная война,
do el General faltaba, и за непотопиенъ полководца

Y á Don Juan se llevaban para cielo. вздысь быль на небо Донъ Хуанъ.
Этого прииора для насъ здѣсь досадно.

Весь тесетъ Сервантеса охватываетъ такой периодъ времени
и разигрываетъ на такомъ пространствѣ, какое казалось
необходимымъ автору; Рудянъ Dichoso (Счастливыи тунтъ),
напр., начинаея въ Севильѣ и Толедо во время юности
героя и оканчиваея въ Мексикѣ во время его старости.
Число дѣйствующихъ лицъ произвольно велико, нѣтъко
болѣе фридзаци и среди нихъ кривъ разнообразнѣшше
человѣческихъ типовъ въ возростахъ злыхъ духовъ, души
изъ пещерница, Люцифера, Сурья, Огряднѣ, Ревностъ
и т. п. олицетворенїя. Дѣйствительно, Сервантесъ оказалъ
ся оъ вѣнхъ такъ драматическїхъ принциповъ, которые
были выражены тѣ въ первой газетѣ Донъ-Кихота дельто

годами раньше. Штеперс, вследствие ли соображений жила, или или зотско побуждаемый бедностью, — не зотско въ са, лишь писалъ, но и въ своего рода предисловии ко взорону акру „Спасливый плути“ (Rufian Dichoso) отъ вполне при, нель драматический теорин школы Лопе-де-Веги.

Между его повести драмами „El fallado Esraimol“ (Сво, лий или Храбрый испанецъ), „Султанша“, „Los Baños de A, gel“ (Алжирскія бани), несомненно заслуживали луч, тий приеми, тиль какой отъ мамми на мадридскій ре, атрахъ. „Спасливый плути“, одна изъ самыхъ безобразныхъ, нель фантастическихъ пьесъ всего испанскаго театральна, го репертуара, показываеъ, что Сервантесъ не считалъ слишкомъ каноничными для испанскаго вкуса условья иельной тиль ^{фантастич} природы.

Восемь интермедий (Entremeses) лучше его пьесъ. Это короткiе фарсы, болтливо гасуто въ прозу, съ легкою ии, зригою или собственъ безъ нея, назначение которыхъ состо, итъ лишь въ зотль, чтобы забавляеъ публику въ антрак, таль между актами болше длинныхъ пьесъ. „Зеркало чюдесъ“, напр., ест зотско рядъ шутокъ съ цыцелью пануаръ зрителей куколскаго представлений, удовольв тиль, что они видять зо, чего нель въ действительности на сцене. „Рев, пощный сахарикъ“ представляеъ интересъ въ зотль озноче, ния, что Сервантесъ здесь рисовалъ самого себя. „Ревнивый сахарикъ“ ест драматическое воспроизведение повелли

1) Отъ написанъ въродуно чие въ 1611г.

„Ревнивая Эстремадура“ (El Celoso Extremeno) с другими, больше остротными заключением. „Сиева де Саламанса“ принадлежишь къ числу тѣхъ пьесокъ на сценѣ мущей, ко- зорыя были довольно обыкновенны какъ на испанской сценѣ, такъ безъ сомнѣній и въ испанской жизни и нра- вахъ; были-ли отъ основаны на дѣйствительныхъ фактахъ или нѣтъ — неизвѣстно, но колоритъ реализма и правды, козорыми отъ окрашены, безспорно влодили въ паль- реиъ автора.

Такъ какъ индѣмедіи (Entremeses) Сервантеса въ сущ., поеди не что иное, какъ драматизированныя анекдоты, то въ нихъ мы встрѣчаемъ ту же наблюдательность и тотъ же оригинальный тонъ, козорыми мы восхищаемся въ „Донъ-Кихотѣ“ и въ новеллахъ Сервантеса. Въ этихъ ве- селыхъ каррикатурахъ, писанныхъ легкими шутками, ге- ній Сервантеса находимся въ своей сферѣ и не имѣемъ со- терниковъ. Озрובскій такъ увлекаетъ насъ, что подъ сфа- росъ пародно бужимся по-испански и переводимъ ихъ на русскій языкъ.

Но устъху Сервантеса на драматическомъ поприщѣ мѣшало одно непреодолимое препятствіе. Онъ не обла- далъ драматическимъ талантомъ и не понималъ, какъ произвести драматическій эффектъ. Съ этихъ поръ, какъ онъ написалъ „Los Tratos de Argel“ (Алжирскіе нравы), бывшее изображеніемъ дѣдѣвій, козорыхъ отъ самы были

очевиднее и твердой во Аммире, онъ былъ удивленъ,
 что все, что истинно и поразительно, можетъ быть съ честию
 Хоме представлено на сценѣ. Такими образомъ онъ былъ,
 миваль областе романа и новеллы съ областью драмы, и
 часто полагался на уривальные случаи и провознарод,
 кой зомъ рогги, гомъ произвези эфрежъ, козорый зави-
 сить золько оуь происшествій, соединенныхъ знаніемъ
 сцены дракъ, что они возбуждаютъ драматическій инре,
 рець.

Эго происходило отчасти величавіе особеннаго на-
 правленія его природнаго генія, отчасти вытекало изъ
 сохродній сцены, козорую онъ нашель во время своей юно-
 сти въ самомъ малкомъ положеніи, оукраваившемъ об-
 ширное поприще для всякаго рода опытовъ. Но какова
 бы ни была причина его неудачи, сама эда неудача сдѣ-
 лалась камнемъ проклятія для испанскихъ криж-
 ковъ, козорые придѣляли къ довольно искусственнымъ
 и невѣроятнымъ золкованіямъ, гомъ снасти репузакію
 Сервантеса въ этомъ отношеніи. Такъ Blas de Naxara, ко-
 ролевскій библіотекаръ, повзорившій въ 1749г. изданіе
 пгесей Сервантеса, сзараеся удивитъ насъ въ предисловіи,
 что пгеси Сервантеса сохравляють народію и каррикатуру
 на театръ Лоне-де-Веги. Но нелѣпное мнѣніе, будто
 эди пгеси Сервантеса² написаны, съ цѣлью оскѣнитъ
 бывшій годъ въ модѣ драмы, подобно зольку какъ Донъ-Кихотъ

Мехория испанской литературы въ XVI ст.

написаны для остротный подмыль рыцарских романов, — не осялось безъ возражений уже въ то время. Тогда сугубь посылъ того какъ оно было высказано, похвилья панифлель.¹⁾ Это остротная Брошюра, посвященная главнѣйшымъ образамъ заццццъ Лопе де Воги и Калдерона, хотя въ ней не забыва, ерся и Сервантесъ. Но въ томъ же самомъ году похвильясь больше обширное сочинение въ томъ же цццццц: „Discurso Critico sobre el Origen, Calidad, y Estado presente de las Comedias de España, contra el Dictamen que las supone corrompidas etc. por un Fugenio de esta Corte“ (Madrid, 1750). Авторомъ его были Мадридскій адвокатъ Д. Томасъ Сабалега (D. Thomas Zabaleta), который обнаруживаетъ также мало вкуса и знания дѣла, какъ и другіе современные испанскіе критику; однако съ Blas de Nassare онъ церемонится очень мало.

Но самое неосновательное мнѣніе высказалъ Лампилья, написавшій во второй половинѣ XVIII столѣтія длинную заццццц испанской литературы отъ канадскій французскихъ мехориковъ Пирабески и Беззиселли. Онъ серьезно утверждаетъ, что Сервантесъ дѣйствительно оу, правилья в псевд и в Entremeses для мансаранія книги, продаваясь, но послѣдніе подмѣнили нѣ и канона, дали другія тогда его имяселья и съ его предисловіемъ. Еслибы съ Сервантесомъ дѣйствительно похвильясь такъ безъцеремонно, какъ утверждаетъ Лампилья, то онъ

1) „La Sincron impugnada y Beata de Lavapies, Coloquio Critico apuntado al disparatado Prólogo que irro de delantal (segun nos dice su Autor) à las Comedias de Miguel de Cervantes, compuesto por Don Joseph Camillo Carrillo“ (Madrid, 1750).

непрелютного разразился бы на всю страну своими угрозами и обвинениями.¹⁾

Поэтому намъ опасается только допустить, что Сервантесъ подъ конецъ своей жизни написалъ по-испански повесть, козоровъ и лжи того, чего можно было отъ него ожидать. Потому не только въ ней можно найти места, где быка зывается его гетий, лабиринтъ любви, напр., написана въ рыцарскомъ духе съ соотвѣствующими стилистическими, латинскими его интересами, а интересней Монимой Бис-каеуэ проникнула злымъ оригинальностью тоторомъ, съ козоровъ мы всегда соединяемъ имя его автора. Другая повесть на себѣ несетъ поэтическое гетий, никогда совершенно не покидавшего Сервантеса. Поэтому можно считать весьма правдоподобнымъ, что Сервантесъ пошелъ, воевалъ своими воззрениями на драму народному вкусу, и если какою-нибудь мнѣе захититъ образомъ на себя око, въ дали одного изъ приливовъ его неудачи, то это даетъ намъ только еще одно новое основание для признанья въ справедливости великаго гетовъ, вся жизнь козорова изобиловала великимъ ^{родомъ} талантами и добродѣтелями. Что такое и было въ действительности, — это мы видимъ, если мы сравнимъ мнѣе, выразившая каноникомъ охоты, только драмы въ первой части Донъ-Кихота (1605), съ воззрениями, безразличными въ началѣ Взорого акса Rufian Dichoso (1615).

1) Мы должны здѣсь только вспомнить о томъ, какъ Сервантесъ охотился въ мнѣе грубому оскорбленію шведскаго гетовъ, о гетовъ рождехъ вносилъ дѣлать.

Къ концу XVI в. на испанской сценѣ возростаюся самые разнообразныя виды драмъ: и мистерии, которыхъ ставятся въ дни большихъ праздниковъ, и комедии „плаща и шпата“, ведущія свое происхождение отъ Педросса Мадарро, и латиноклассическiя трагедии, выросшiя на погвѣ изученiя трагедiй Сенеки, и попытки исторической трагедии („Гуманизмъ“ Сервантеса), и народныя фарсы въ родѣ импровизацiй Лопе де Вуде, и, наконецъ, пьесы изъ обыкновенной жизни, въ которыхъ дѣйствующиe лица представляютъ различныя классы испанскаго общества. Все это разнообразие пьесъ (между ними и тьма Сервантеса) можетъ быть подведено подъ двѣ категорiи: къ первой относятся пьесы, правильно построенныя, но лишены драматическаго движенiя, ко второй — пьесы, богатыя и содержательныя, и драматически движеныя, но лишены единства и возвышеннаго интереса. Вездѣ замечается недосказокъ надлежащаго драматическаго сюжета, мѣлозъ по выраженiю Ариосто.

Взростаетъ Дочь-Кихота.

Притомъ, только взростаетъ Дочь-Кихота могла быть издана, даже притомъ, только она была окончена, нѣкто, называющiй себя Алонсо Фернандесъ де Авельянеда, судя по возростающимъ у него провинциализмамъ, арагонецъ и, какъ видно изъ нѣкоторыхъ фактовъ, доминиканскiй монахъ, — возбудилъ мѣломъ 1614 года

съ книгой, козоручо оны безсродно назвалъ, взорото
 часъсто похощидений оустроумнаго рыцаря Донъ-Кихота
 Манаучскаго" (Segundo Tomo del Ingenioso Hidalgo Don
 Quixote de la Mancha" и т. д.). Сербануе съ очевидно узнать
 оуъ зрой наглоу поддѣлать зольско зозда, когда усие оны
 далеко подвинулся впередъ въ сочиненіи взорой часри.
 Въ 59 главѣ, написанной несомногымъ въ 70 вренія, какъ
 оны впервые познакомились съ нею, оны обрущиваея на
 нее и съ зрого момента не перестаетъ всячески преслѣдо-
 вать и оустроумно пробираетъ Авельднеду до зольско пори,
 пока съ 74 главой не оканчиваея своего зрудя. Далше
 Санго со своимъ обичнымъ котороны и прозубаозоуто
 напуекаея на нееласунаго аррагонца. Узнавши оуъ
 одного пузешесубенника, козорвй познакомиль иль съ
 зрой книгой, что его жена вичеа Терезы Панса назва-
 на въ ней Маріей Тудіеррестъ, оны восклицуль: „Дозъ
 факъ исзорикъ! Оуъ нашихъ зольлахъ оны не знаея ни
 крошкы, если мого змену, Терезу Панса, называея ма-
 рией Тудіеррестъ. Возьмизе-ка, сударь, книгу снова и по-
 смозризе, нъзъ ли меня заль и не изитно ли и мое
 имя?". Судя по вашимъ словамъ, другъ мой, — оуъвсаея
 пузешесубенникъ —, въ безъ сомнѣній, Санго Панса, ору,
 меносецъ Донъ-Кихота. „Оны самой” — подубердилъ Санго:
 „и я горюецъ зумль”. Въ законъ случатъ, — замозиль
 пузешесубенникъ, — зрозъ повсей абзоръ обходоуея съ ваки

Безъ досрадожнаго уваженія; отъ представляеть вась обидно, рой и глумиць, нисколько не забавнымъ и совершенно непохотимымъ на зого Санго, который описанъ въ первой гаски перорин вашего господства. „Да просишь ему недо!“ — воскликнула Санго; „но я полагаю, что отъ мого бы оставишь меня въ покои и не беспокоишь обо мнѣ долгие. Пущь его пишетъ по своему разумному, вѣдь кажи, дай у себя дома, что св. Пьеръ въ Римѣ.“¹⁾

Книга Авельянеды въ общемъ пошла и скучна и была бы лучше забыта, еслибы не была связана съ знаменитымъ романомъ Сервантеса. Въ предисловіи авторъ обкодируется съ Сервантесомъ грудо и недосройно, издываетъ надъ его мѣстами, несчастиями и даже надъ его заслуживающими уваженія ранами. Взять грудо отъ замѣчаетъ о Сервантесѣ, напр., что у Сервантеса „длинные языки, голые руки“ (*Tiene mas lengua que manos*) и т. д. Въ самой книгѣ характеръ Донъ-Кихота, являющагося здѣсь обиднымъ сумасшедшимъ, воображающимъ себя за Ахиллесомъ, за какиль-либо другимъ лицомъ, которое взбрѣдетъ на умъ автору, до такой степени лишеть достоинства и похлѣдовательности, что становится очевиднымъ, что Авельянеда былъ совершенно не въ состояніи понять зого, кого отъ такъ низко поносилъ и такъ нагло сурмили свѣрнуть съ поездаго мѣста. Лучшую часть романа составляють сцены, гдѣ являеться Санго, худшого —

1) См. Parte II, с. 59.

непримитивные рассказы и приключения Барбары, представ-
ляющей грубую каррикачуру привлекательной Дороти и
принимаемой рыцарем за королеву Зенобию. Но в кон-
цовь книга утомительно скучна и малкими образом
оканчивается заключением Донъ-Кихота въ сумасшед-
шій домъ.

Подвержаемый похвляниям этого романа Аляксандры
и оскорбленный его нападками, Сервантесъ постыжился
со своего взоромъ часуно и, судя по 24 къснотско ствоту,
попы виду, привелъ ее въ окончанію скороты, гдѣ на,
мореваля. Мрако въ 1615 г., г. е. десѣтъ мѣтъ спѣше послѣ
изданія первой часу, вышла въ свѣтъ взоромъ часуно.

Кихота. Много воды ушло въ этотъ десятилетний
спротиву зрѣть для Сервантеса, на многие вопросы отъ
честно измѣнилъ свои взгляды, но взглядъ его на свою
задачу не измѣнился, и отъ заканчивающъ свое произ-
ведение словами, въ которыхъ явственно слышится нрав-
ственное удовлетворение писателя, достигшаго своей цѣ-
ли. «Богиньственныи моии желаніи, — говорить отъ,
— было возбудитъ обращеніе въ сумасшедшныи и мши-
выи рыцарскыи книганы, которыхъ, поразительныи
моеи правдивой исторіей Донъ-Кихота, ^{въ 1615 году, въ 1615 году} плещущъ, по-
матриваетъ, скоро падуть советныи и никогда уже не под-
нимутся». Мрако, въ то время, когда все цѣлиа благо-
мыслищныи людей, кортесовъ и самой верховной власти

1) Вся исторія о Барбарѣ, начинающаяся въ 22 главѣ и идущая
почти до конца всей книги, срашно пошла и скучна.

оказались безсилными въ борьбѣ съ господствующими
вкусомъ публики, Сервантесъ выступилъ въ походъ, не
имѣя другого оружія, кромѣ прокии и здравого смысла,
и, поразительный зрѣль оружіемъ, цѣлый сонмъ сурам,
свѣтующихъ рыцарей, великановъ, фрей и волшебниковъ
почти всю бѣжалъ съ поля бѣвы, чудная мѣсто другихъ
жизнью, другихъ герольдъ.

Какъ искусный полководецъ, Сервантесъ, раньше чѣмъ
нанести рошительный ударъ, тщательнѣе изучилъ силы
врага, его тактику и приемы. По мнѣнію Пеллисера,
Клеменсина и другихъ комментаторовъ, въ „Донъ-Жуанъ,
этотъ обнаруживающій на каждомъ шагѣ близкое знакомъ,
своѣмъ обзоромъ со всей обширной литературой рыцарскихъ
романовъ; здѣсь ослѣдствія не только иль духа, но иль
высокопарная манера изложенія, иль торжественный
и напыщенный слогъ, козоровъ Сервантесъ по временамъ
бесна удачно пародируетъ. Далѣе, это въ рельефнѣе
показанъ на живопись прихотливы бредныя послѣдствія
увлеченія рыцарскими романами, Сервантесъ выбралъ
своими героемъ не какого-нибудь деревенскаго прощанка
и невѣжду, козорого легко сбрыз съ толку, но челоюка
цѣннаго, капижаннаго, исполненнаго возвышеннаго
срѣмленій. Ахиллесовой пятой этого челоюка были
болтливостно развизая францазія и сураднос чрастіе
къ модскому горю. Рыцарскіе романы, козоровыми отъ за „

изживался въ своемъ деревенскомъ уединеніи, до того
 подвигивавали на эти ссоры его природа, это дѣйствіе,
 желаніе для него перелѣталась съ вымысловъ, что
 онъ сражался сражаетъ галлоцигальскими, подъ вліяніемъ
 козоровъ онъ видѣлъ го, чего нѣтъ, и упорно утверждалъ
 го, что въ данную минуту находилось передъ его гла-
 замъ. Онъ серьезно вообразилъ себя сражающимся
 рыцаремъ и, избравъ себѣ оруженосца, отправился сра-
 жаться съ угнетателями герольдска, освобождаетъ отъ
 осарованія принцессу, словомъ, совершаетъ все тѣ
 подвиги, о козоровъ онъ читалъ въ рыцарскихъ рома-
 нахъ. Дочь-Кихотъ — это Амадисъ, заслужившій посылъ
 одного изъ своихъ подвиговъ на нѣсколько столѣтій и
 прославившій паденіе феодализма, водвореніе новаго
 государственнаго порядка и наступленіе эпохи Воз-
 рожденія науки. Прославившій, онъ продолжаетъ
 го, на чело его засналъ сонъ. Онъ не замечалъ, что
 времена измѣнились, что пора авантюръ и рыцарска-
 го обожанія окончилась прошла безвозвратно, что
 феи и волшебники, державшіе въ плѣну рыцарей
 и дамы, исчезли, что низмы сравнень герольду дру-
 гихъ задачи, что правительственный порядокъ держится
 на новыхъ началахъ, что права слабыхъ и угнетен-
 ныхъ защитаются не сражающимися рыцарями,
 а законами и учрежденіями. Въ этомъ взаимномъ

непониманіи живущаго въ прошедшемъ Донъ-Кихота
и далеко ушедшей отъ него жизни заключалась ^{матеріаль} для
массы комический недоразумительный, козорими нежданно
воспользовался Сербанцекъ, показавший, что рыцарскіе
идеалы Донъ-Кихота такъ же чуждыми, какъ и его ору-
жіе, что его храбрость и самоотверженіе оказываются
совершенно ненужными въ XVI столѣтіи и въ особенно,
если въ той формѣ, въ которой отъ нихъ предлагается міру,
что Великобританія этого, думая дѣлать добро и спотыкается за
правду, отъ совершающа на каждаго шагу несправед-
ливости и, въ концѣ концовъ, даже вредитъ тѣмъ, кому
хочетъ оказать помощь.

Рассказавъ о томъ, какъ Донъ-Кихотъ освободилъ ман-
гика-насула отъ подлостей его хозяина, козорый, по удале-
ніи Донъ-Кихота, оздучилъ его вдвое сильнее, авторъ мно-
гозначительно замечаетъ: „какимъ-то образомъ каинъ
рыцарь престонокъ уже одно зло на землѣ? Въ послѣдствіи
Донъ-Кихотъ возродился съ освобожденными мнѣ ман-
гиганомъ и вѣнчато благодарности целовалъ отъ него
слѣдующія горькія слова: „Господинъ сражающій
рыцарь! Если придется намъ еще встрѣтиться, когда-
нибудь, то, хотя бы вы увидѣли, что меня раздираютъ
на части, ради Бога не заступайтесь за меня, а оставьте
меня съ моею дядькой, потому что худшей дядьки, какъ
ваша помощь, мнѣ, право, никогда не достанется, и

да покараешь и унижишь Богъ вашу милость со вен-
 ми рыцарями, родившимися когда-нибудь на свете.
 Другой рыцарский подвигъ Донъ-Кихота ильель еще бо-
 лше печальный послѣдствій. Возвративши похороше-
 ную процессию, козую отъ принималъ за тайку зло-
 дѣевъ, убожившихъ злого убитаго или рыцаря, Донъ-Ки-
 хозъ налетѣлъ на процессию со своими конемъ и сбро-
 силъ съ муга одного юнаго мисениара, козорый при
 паденіи переломилъ себѣ ногу. Когда же влѣтъ за-
 згль пододвигалъ безоружныхъ озреко-недовался срамъ,
 съвзвущимъ рыцаремъ, обрѣкшимъ себѣ на служеніе
 добру, возстановленіе правды и ^и и поправле зла, то
 добрый мисениаръ озвочалъ ему со вздохомъ: Не
 знаю, право, какъ вы попраеете зло, знаю зато, что
 меня, ни въ кель меновинного, вы оставили съ пере-
 ломленной ногою, а отъ вашей правды нтъ вотьки
 не поправится. Могу васъ утвердить, что величайшее
 зло и величайшая несправда, козоя могла посягнуть
 меня въ жизни — это вернуть съ вами. Президъ зна-
 ченной подвигъ Донъ-Кихота въ первой части романа —
 освобожденіе озправленныхъ на галеру казорничиковъ —
 обрушился на голову самого освободителя, козому это
 освобожденіе Донъ-Кихозомъ пресудники издѣли
 и оградили его самого. Неужели те подобнаго рода
 подвиги, а другие Донъ-Кихозъ и не могъ совершать,

поэтому что не понималъ, что предъ нимъ происходить, даюль ему право сизарствъ героевъ, энтузиастовъ идеи братолюбия, воплощеніемъ самоотверженія на пользу обществу? Душа въ закнъ, знала ли утверждаеъ, что некое миманіе дѣйствительности и наклонность къ галлюцин., націон. соображаюъ необходимыя условія героизма. Надо сказать, что, видя въ Донъ-Кихотѣ воплощеніе идеи самоотверженія, выдвигая на первый планъ ал., французск. сторону его подвиговъ, философская кри., рика, забываеъ: во-первыхъ, что героизмъ въ практик., екой жизни сущиваеъ не только по нравственн. побужденіямъ и по силѣ духа, озлиающимъ собою дѣй., ствія нѣбеснаго лица, но также и по разумн. сред., ствямъ и истин. сознанию цѣли подвига и мощи изъ него произойти пользы человѣчеству; во-вторыхъ, что Донъ-Кихотъ — не самоудержливый дѣлатель, но от., разсѣянный мучъ, дѣло рыцарскихъ романовъ, что въ качествѣ странствующаго рыцаря отъ руководимъ въ своихъ подвигахъ не только идеей гуманности и само., отверженія на пользу ближнихъ, но сурной жаждой славы и желаніемъ озлиаеъ передъ дамой своего сердца, и что послѣдняя иногда береть у него перевѣсъ надъ первыми. Также, однажды Донъ-Кихотъ рискнулъ безплодно своею жизнью и подвергая опасности все окрестное населеніе, выдвигая на передний планъ,

1) какъ называлъ его Талламъ. Ср. и Второвичко стр. 199.

козорыхъ князь Оранскій посылалъ въ подарокъ испан-
 скому королю, и когда зти не заблагоразсудили въири нръ
 озворенной, по приказанію Дона-Кихота, ильозки, то
 отъ позредовалъ озъ смозричьелъ нль писементаго удо,
 сробъеренія въ золь, что отъ исполнилъ свой долгъ
 и что поединковъ не соеодялся не по его вить. Въ
 другой разъ Донъ-Кихотъ не шелалъ помочь хозяину
 кортлы, издизому соувенноиши посредствами, не
 испросивъ предварительнаго разрѣшенія на згозъ под,
 виль у инимой принцесса Миколмикотъ; когда же
 зго разрѣшеніе было ему дано, отъ все-таки нить-ль
 не помолъ изнемогавшему въ неравной борбѣ зрак.
 зирцику, позоу что въ силу рыцарскаго кодекса отъ
 оизалъ ниже своего доезонисва сразнался съ иросозки
 мюдтчи. Также въ силу рыцарскаго кодекса Донъ-Ки-
 хотъ сизалъ ниже своего доезонисва сразнался съ зручъ,
 пои акзеровъ, когда Санчо ему сказалъ: „развѣ ты не
 видишь, что во всей зольтѣ нльъ ни одного рыцаря.“—
 „Ты вѣдъ правда, озвѣчалъ Донъ-Кихотъ, и зго засрабилъелъ
 меня озказался озъ моего нальберенія. Я не могу и не
 долженъ однамазъ мель инае какъ прозивъ рыцаря.
 Санчо! Ты видишь, что расправазся съ нимъ звое дъ,
 ло, зы самъ долженъ озплазиръ миль за оскорбленіе
 звоего осла. Я же оеануецъ здѣсь, и буду подавазъ зедѣ
 совъзке и воодушевлязъ зедѣ во время дивъи.“ Позоуъ

можно указать здесь один случай, когда сэрвантесовую, или рыцаря совершенно заслонил в Донъ-Кихоте доброго и гуманного человека. Во время пребывания Донъ-Кихота и Санчо при дворе герцога, милый Мерлино, который оказался передъзлым магистром герцога, предсказав рыцарю, что огарованная волшебником Дульцинейа зодиа зодяко прилежь свой наследственный видъ, когда Санчо соберетъ торжественно влѣтнеть себя 3300 тледей, когда же Санчо сжалъ горячо прозесовалъ прозвѣть этого келья. наго самосуданія, Донъ-Кихотъ вспыхнулъ и пригрозила своему оруженосцу привязать его къ дереву и озсигураетъ ему не 3300, но 6600 тледей. Приведенный въ прилежь вполнѣ досадожно, тоби видюгъ, наскоотъ ко права крикики, удверидатюция, то Донъ-Кихотъ въ, разнаетъ собою вору въ идеаль, энтузиазмъ къ добру и справедливости и идею самоозверженія на пользу обществу, и это эти драгоценныя качества человеческой природы, неограники вѣякой свободы и прогресса, ослѣдны Сербантесомъ въ его романтъ. Мгюрь, не энтузи, азиль къ добру и правдѣ ослѣдны авзоромъ "Донъ-Кихота", а кельная форма проявленія этого энтузиазма, его карикатура, навѣянтая рыцарскими романами и не соотвѣтствующая духу времени. Тѣре справедливо замѣчаютъ, то если какад-нибудь идея принимаеть франзасуическій характеръ, то въ силу этого одного ота герлежъ

всякое знание; возъ погелу францаскисское, разбивато, шеея обь двьсвѣтленоея, возбудидаетъ въ насъ не со, срадание, но смьль, ндо подаеть поводъ ко многимъ комическимъ недоразумѣнїямъ.

.. Къ этойу можно прибавить, говоритъ Взоросенко, что если Донъ-Кихотъ, несмотря на все свои кельноея, сподобень возбудидаетъ въ насъ не зотско смьль, но и соурадате, то это обьясняется тьмъ, что отъ лица двои, сзвенное: Донъ-Кихотъ не зотско чудаъ и сзракозвучо, щїй рыцарь, но чиный, благородный и чинный че, ловчикъ. Въ проведенїи эрой двоисвѣтленоея въ кара, жерь Донъ-Кихота на всемъ прозрменїи рована, ска, замь во всемъ блектѣ худомисвѣтленїи заманъ Серван, теса. По сколску Донъ-Кихотъ - сзракозвучоущїй рыцарь, по сколску отъ францазерь и пономанъ, но лишь зотско ему удаеть вьйти нрз заколдованнаго круга своей идее фике, отъ сзановиуея насродичиць мудрецовъ и нрз черъ его лгоеть золотид рочи, въ козорнѣ жакъ и логеть видеть вглядѣ самого авзора. Вьр еще одно обьодзельсрво, заеавляющее насъ озноиуея смелоди, фельно къ медооарканъ и прозвоборотиднѣ въ караже, рь Донъ-Кихота и подкупающее въ его похьзу кривн, ческую мнел. Въ наше время господсрва Эгоизма и обьодичнїя всякиць идеаловъ, озрадно озраковиуея душого даме на печалстномъ образѣ великодушнаго

Безумца, который не сумел себя довести до конца на
форминге жизни, руководился в своих действиях
идеальными пожеланиями и готовь естественнo умерь,
вобрав жизнь за то, что его раздробное изображение
символизировать слабой, нежной и доброй? ¹⁾

Также как Авельякеда выразил намление бы,
сказавь Донъ-Кихота вь другомь рече приключений вь
Авила, Вальядолиде и Саламанке ²⁾, до Сервантесе и
поэтареле предобразувь это-то продолжение. И Донъ-
Кихотъ, узнавши о томь, что Авельякеда рассказываеть
объ его пребывании вь Сарагосе, восклицаеть: „Por el
mismo caso, no pondré los pies en Zaragoza“ (После этого
нога моя не будеть вь Сарагосе), „y así sacaré á la plaza
del mundo la mentira dese historiador moderno“ (и я раз-
облачу заклинать образомь передь всемиъ свѣтлыми и живыми
этого нововыдуманнаго историка) ³⁾ Мгосколько изменивъ свой
планъ и очертивь фигуру вь Сарагосе, потому что
Авельякеда оправдывалъ жуда его героя, Сервантесе считалъ
закъ, что вь конце концовь Донъ-Кихотъ после ть,
тесной болтовни изъговиваеть оъ сумасшествии, отказь,
вместе оъ великимь безумцемь срансвѣдующаго рыцарства
и, какъ мирный христианинъ, умираетъ на своей
поселенн. Такимь образомь была уничтожена вся,
какъ возможное дальнейшей попытке продолжения
истории Донъ-Кихота. Кроме того, характерь Санч.

1) Св. Сороженко: „Очеркъ истории западно-европ. литературы стр. 200 и 201.

2) Вь конце 36 главы.

3) Parte II, с. 59.

сона Карраско представляеть очень ослепливое, хотя и нѣсколько смѣлое приращение къ первоначальнымъ дѣйствующимъ лицамъ романа. Приключенія въ замкѣ герцога и герцогини, гдѣ Донъ-Кихота дурачатъ до послѣдней степени, распорядокъ Санчо въ качествѣ губернатора острова, видѣнія и сны въ пещерѣ Мок, зедико, сцены съ Роке Гуинарт'омъ, морскимъ разбойникомъ, и съ fines de Passamonte, галернымъ преступникомъ и кукольнымъ комедантомъ, шутки, во-героическое воспріимство Дона Антонио Моры, но въ Барселонѣ и конечное поражение здѣсь рѣшителя — все это превосходно. Дѣйствительно, бедная мелочь въ этой второй части, а въ особенномъ ея отщипѣ однихъ и зонъ, показывають, что время и успѣхъ, какого авторъ до сихъ поръ еще не имѣлъ, укрѣпили и усовершенствовали его инстинктивное чувство и какъ бы еще болѣе изощрили его способность проникновенія въ самую глѣбъ человеческой природы, которая заботится во всемъ почти его произведеніяхъ, а здѣсь дѣлается какъ бы частью его органическаго гения, воспламеняемаго горелью и срадаеміемъ его измѣнчивой жизни.

Эта послѣдняя часть Донъ-Кихота совершенно прозаическая и циничная въ ней Сервантесомъ по слову, что, върядъ части не были никогда особенно

удачным. Ма самошь дѣла она гораздо лучше пер-
вой. Въ ней болше свободы и сила зворнеся и, если
каррикачура доумагаеь въ ней иногда до послѣдняго
предѣла позволенаго, то вымыселъ и все содера,
не въ ней богаче, а оустьлка законченныя.

Трудно повѣрять, чтоь Сербанжесъ, написавъ такое
звореніе, не поинамалъ всей цѣны его. и дѣйсвуеьт-
но, въ самошь "Донъ-Кихотъ" сьдъ мьса, доказывающій
въ авзоръ сознаніе своего генид, своего таланта, своихъ
судремений и моуцаеьва-силы своего ума. Такъ, напр,
Сербанжесъ говориь совершенно серьезно, влагда въ уста
Санчо слѣдующія слова къ его господину: "Бѣось одъ
закладъ, что въ скоромъ времени не будеть ни одной
грошовою Харрѣвомъ, ни одного плохенскаго кабака
и ни одной малкой гоузиницы или цуриакони, даъ
бы сьтѣня не были увѣшаны карзунями нашихъ по,
хондений." Но, съ другой стороны, проглядываеь въ рома-
нѣ закая небрежностъ, закая погрѣшностъ и прози,
воротид, козорид показываеь, будъо авзоръ болше почти
равнодушень къ цѣнѣху среди современниковъ или
къ своей славы въ позоуеьствѣ. Планъ романа, козо-
рый ошь, очевидно, измѣняль нѣсколько разъ во время
его писанія, сдѣлывь, расуьднущъ и несурьосень, богазый ^{нѣтъ}исрокасуьлкажи
красолами словъ полонъ негосносеьей, а въ происшеь,
бѣдѣ и фразаь мноуеьство анахронизмовъ. Такъ,

1) Это одно изъ злобныхъ замѣчаний Баккалэвра Самсона Карраско.
Parte II, с. 4.

2) Сл. Parte II. с. 71.

Во первой части, Донъ-Кихотъ вообще представляеть жи, выходя въ оудаленной воякъ, и изорид его прииметь. ваяедь сгаринткому арабскому писателю, а между темъ, при пересмотръ его бидлиотеки, отъ явлыведь собранен, никомъ самого Сервантеса, а после его поразметий, его привозятъ домой именно въ 1604 году. Этого мало: во второй части, козрой соборидь начинаеться черезъ часъкъ по окончаній соборидь первой, и продолжаяеть золько педьми двъ, чуме, рядомъ съ севалкого на сгаринткого арабского авзора, начинаеться разговоръ овь изгнаніи изъ Испаніи мавровъ, что случилоет въ 1609г., и захватъ слъдують мавльшки надъ Авельянедою, козорого под, отьлка напелатама въ 1614г.

Самый подробноеди романа безпреранно прозиво, рьгавъ одна другой закъ тие, какъ и историческимъ фактамъ, козороихъ отъ касалоетъ. Такъ, въ одной мтьеть представляеть сцена, случившиедь въ одинъ и зоръ тие вечеръ, а на слъдуютьее удро говоридь, что отъ занимали два дня.¹⁾ Въ другой мтьеть авзоръ авзоръ самаетъ компанію за поздній чумить, а после разговоръ и сцена или соборидь, на козоридь нужно было унозредитъ всю ночь, отъ говоридь: „Ночь чумъ насрунала“.²⁾ Иногда отъ одно и зо тие лицо называ, етъ разлитыими именами, закъ, напр., между Санто френъ или гезурьелья разлитыими именами³⁾ и — это

1) Parte I. c. 46.

2) Llegaba ya la noche. Parte I. c. 42.

3) Parte I. c. 7 и 52, и Parte II. c. 5 и 59.

еще забавные — во многом миссис Ловибр Авельянеду на ошибку, которую сделал сам. Наконец, замечать, что отъ съезъ разъ составилъ Санто на осла помылого, какъ осель быль украденъ, отъ въ новолетіи изданіи первой газети исправилъ двѣ изъ этихъ ошибокъ, а прогид все-таки пропущенъ и при изданіи второй газети отъ души свѣдѣлся и надъ ошибками, и надъ поправками, и надо весьма ожаловаться, какъ надъ деломъ невеликой важности для него самого и для другихъ.

Миссисъ звалъ романъ, Бромонтный Сервантесовъ въ связь съ закономъ небрежности и на который отъ словъ больше какъ на стѣну помыжку охоты невольной вкуса своего времени къ рыцарскимъ химерамъ, неже, ли какъ на что-нибудь значительнѣе, — Эгозъ романъ больше принадлежъ съ единодушнымъ восхваленьемъ во всехъ литературахъ и осязая до силъ поръ въ пользу, какъ старѣйшій классическій образецъ романческаго быль, сла и какъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ поэзіи новаго времени.

Во многихъ случаяхъ своего романа Сервантесъ обнаруживаетъ больше всего силу оригинальнаго гения въ разбуженіи характеровъ Донъ-Кихота и Санто Пансы, въ удачномъ контрастѣ и противоположеніи которыхъ заключался богатый матеріалъ для его оригинальнаго юмора. Въ этихъ двухъ несравненныхъ созданіяхъ фантазіи выказался

его дивный, ему только свойственный юмор; они пред-
 ставляют в своих многочисленных самых характерных,
 ских чертах многообразие. Это его любимые и
 главные герои романа, и поэтому они с удовольствием
 держатся иль, насколько возможно, на первом плане.
 По мере того, как они больше и больше входят в своего
 странную жизнь, они больше и больше к ним присека,
 щаясь; они вдобавление своего любви к ним и по-
 сражаются иль безпрестанно в каких положениях и об-
 стательствах, который они так же мало могут предвидеть,
 как и его читатели. Рыцарь, который первоначально
 должен был, по видимому, быть пародией на Амадиса,
 становится мало-по-малу особенным, своеобразным
 и вполне независимым лицом, в котором сродско
 благородной и возвышенной природы, сродско чуждостью
 и деликатности, сродско этого понимания чести и
 сродско земной любви ко всему благородному и добро-
 му, что мы чувствуем к нему почти так же при-
 вязанность, как цирюльник и священник, и того,
 бы почти так же печалится об его смерти, как
 его племянница и крестница.

Самое возбуждающее к себе сродско же симпатии. Спер-
 ва он является для того только, чтобы представить
 контраст с Дотом-Нихолом и сродско же раз-
 личности. Только в начале второй части, когда

онъ выступаетъ въ роли губернатора Тарабарии, являясь въ одно и то же время и ситникомъ и легководороднымъ, характеръ его достигаетъ полного развития и окончательности въ мѣстѣ въ своего забавнуса, но националистическую форму.

Сервантесъ, кажется, смотрѣлъ на модныхъ дѣтей своего воображенія — своей чудной фантазии, какъ на лица, действительна существующія; сдѣлавъ говорить о нихъ и обращаясь съ ними съ закономъ серьезности и уваженія, которая много способствуетъ иллюзии характеровъ. М. Дюма-Жюль и Санто Пампа являются въльдеромъ этого перѣдъ нами до законъ степени реальными личностями, что до сихъ поръ образы помѣшаннаго, художаванаго, но проникнутаго дозрѣннѣевого рыцаря и его кругомъ-каго, эгоистичнаго и въ вышней степени забавнаго оруженосца живутъ въ воображеніи всего читающаго мира больше, чѣмъ какое-либо другое созданіе чело-вѣческаго гения. Величайшіе изъ великихъ поэтовъ — Гомеръ, Данте, Шекспиръ, Милтонъ, Гёте — нарисовали, безъ сомнѣній, выше, загрогивали могущеесущественные благороднѣйшія стороны нашей природы; но Сервантесъ, побуждая вниманію своего независимаго гения, и соединяя поэтическимъ гурсомъ въ своемъ вымыслѣ всю особенность своей націи, сдѣлавъ роднымъ для вѣка времени и народовъ; онъ достигъ и увлекаетъ для людей, сходящихъ на низшей ступени умереннаго

Англичанинъ Чордсворъ въраснаея о Донъ-Ки,
хоть весьма характеризуемо: „Не сомалтоніе я пубертъ,
валъ къ геловнику, преслѣдующиму закѣя цѣли, но скорнѣ
благобовніе и думалъ, что на днѣ его слѣного и вое-
зориченнаго безумія леширъ мудроскъ? М ли еъ Птико,
ровъ можель согласуея, что срилъ обѣилъ газей на,
сфодичало Донъ-Кихоа свободель, свѣзиль и плавелъ, гени,
алель, какъ нль авзоръ, полонъ оригинальнѣхъ красоръ,
хоть никониль образель не безупречель.
^{свершоннѣ}

Подъ конееъ своеѣ дини, около того же времени,
когда онъ издалъ върну газей Донъ-Кихоа, Сервантесъ на-
писалъ еще романъ „Персилесъ и Сигизмунда“. Полное
заглавіе перваго изданія этого романа гласуеъ: „Los tra-
bajos de Persiles y Sigismunda, Historia Septentrional,
por M. de Cervantes Saavedra, dirigida,“ etc. (Madrid, 1617
8-vo, por Juan de la Cuesta). Свое произведение Сервантесъ
назвалъ прозо „Свершониль романовъ“ — Свершоній исто-
ріей (Historia Septentrional) и сѣчалъ главнѣхъ его
или ея соизеель сраданія Персилеса, сына короля не-
ландскаго, и Сигизмунда, дочери финландскаго короля.
Дѣльвіе одной половинѣ романа происходиуъ на
сверть Европы, а другой — на ютъ. Сервантесъ мнѣль
кое-какія свѣдѣнія о морскихъ корольхъ и тиразель
Свернаго моря, но очень мало знаель географію зѣль
сзраель, изъ козорѣхъ они происходили. Мнѣль поэтому

никого больше французскаго и невтороуднаго, какъ они, саниа дикарей и обледенелыя озера, гдѣ по его волю многоюль мѣсто грубою и сураннымъ приключенія.

Когда дѣйствіе переносится въ Португалію, Испанію и Мралію, черезъ козорья его герой и героиня, посядочно скрываются подъ именами Теріандро и Аурисзелла, совершаютъ паломничество въ Римъ, — на не возвращаемъ уже большинства разъ суранныей, козорья порядъ первую половину романа. Но въздой въ италья, романъ все же представляеть изъ себя какой-то лабиринтъ разсказовъ, обнаруживающій, правда, силу воображенія, изумительную въ геловскихъ сзоль преклоннаго возраста, какъ Сервантесъ, перевалившаго уже за шестидесятъ ^{или девять} летъ, относительно козорого, призоуль, можно было бы предполагать, что горскія испаранія и неизлѣки, нах болызна сломали его силы; но все же это лабиринтъ, изъ козорого мы вынуждаемся съ радостью и губеубу. ель облегченія, когда зрѣды и испаранія Терсилеса и Сигизмунды кончатся и они, по чужраненіи всего, что предъзубовало ихъ любви, счастливо соединяются бракомъ въ Римъ.

Съ необикновеннаго живоизрахо воображенія Сервантесъ писалъ Эзоуль романъ и зналаъ зотско, чтоу снеру дала ему окончить Эзоуль зрѣду, какъ послѣднее приношеніе его благородному покровителю графу де Лимосу.

История испанской литературы во XVI ст.

Весною 1616 года онъ написалъ предисловіе къ своему, при его жизни, неизданному роману, исполненное ублаженно-просо, душного тона. Въ немъ онъ рассказываетъ о безрочи своей съ студентомъ медицины, который, какъ мы уже знаемъ, объявилъ ему, что ему охраняя жизнь не больше медовли. „Итакъ“, говоритъ Сервантесъ въ конце этого замѣтательнаго предисловія, „прощайте музыки! прощайте, пріятная бесѣда! прощайте, веселые друзья! я чубервую, что умираю, и желаю только увидѣть васъ поскорѣе счастливыми въ будущей жизни.“

Черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ смерти автора, вдова его получила позволеніе издавъ романъ „Персиесе и Сигизмунда“, и въ 1617 году онъ былъ напечатанъ. Сервантесъ, какъ мы уже знаемъ, имѣлъ намереніе написать серьезный романъ, который былъ бы такъ же оригиналенъ въ своемъ родѣ, какъ Донъ-Кихотъ въ родѣ комическихкомъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключить изъ тона, какимъ онъ самъ и его друзья говорили о „Персиесе и Сигизмундѣ“. Въ посвященіи ко второй части Донъ-Кихота, за Сервантесъ говоритъ, что это будетъ „или лучшая, или худшая книга на испанскомъ языкѣ для пріятнаго препровожденія времени“, и прибавляетъ, что его друзья считали ее достойною удивленія. А Валдивиесо, послѣ его смерти, пишетъ, что въ этомъ сочиненіи Сервантесъ очень, если не превзошелъ все свои предыдущія произведенія,

Этот по меньшей мере сравнится с книгой.¹⁾

Но сербский роман, вымысел-продукт исклю-
чительно новейшей цивилизации, тогда еще не был
так развигъ, чтобы доставить Сербануцу возможное
достижение особенного чести въ этой области, и авторы
не могли читать въ этой родъ, звать больше, что его се-
ней былъ отъ природы склоненъ къ юмору. Книжная
мушкетерия Луккиана, зримъ или черезъ греческихъ рома-
на и романы рыцарскіе составляли все, чьмъ могъ ру-
ководствоваться Сербануца. Тогда еще не было ничего,
чтобы ближе сродно къ современному роману, чьмъ
нѣкоторая изъ его содѣвательныхъ повелль. Основывается
на началъ 48-ой главы первой части Донъ-Кихота, моги,
по думаетъ, что Сербануца, можетъ быть, сначала хотѣлъ
написать рыцарскій романъ, измѣненнѣй согласно
съ духомъ вѣка и свободный отъ злыхъ чуждостей,
которыя изобилуютъ романы, написанныя до не-
го. Но если у него и была подобная мысль, то чести
его Донъ-Кихота почти по необходимости долженъ
былъ образовать его отъ понышкѣ приведеи ее въ испол-
неніе. Поэтому въродивше, что Сербануца имѣлъ въ
виду греческіе романы и взялъ образцовъ для себя,
на сколько отъ въ этой мушкетеріи, „Олегина и Хари,
клето“ Теліодора. Въ началъ II-ой книги Сербануца даже
намекаетъ, что это (Персилесъ и Сигизмунда) — переводъ,

¹⁾ Въ „Архиваціон“ отъ 9 сентября 16162.

но не говорить о каком языке. Однако же Sainte-Beuve, острый и изысканный французский критик новый, много времени говорить: „Des naufrages, des descentes ^{кредиткружений} par mer, et des ravissements, ^{друзья} c'est donc toujours plus ou moins l'ancien roman d'Héliodore".^{присланил, пригласил} Одно слова можно отнести больше, разве к полюбившим Перси, Леса и Сигизмунда? Мрак, больше разве впрочем, это Сервантес подражал роману Гелиодора.

Нельзя сомневаться, что во многом ряд оудальских рассказов, которыми переполнено это странное произведение, Перси и Сигизмунда, некоторые из которых сами по себе, другие интересны потому, что содержат следы типичной оудальской Сервантеса. Именно, из начала III-й книги мы узнаем, что действующие Перси и Сигизмунда происходят во время Филиппа II или Филиппа III, когда в Мессадонь жил испанский вице-король. Пудемесвия герой и героиня по тому Мессадоню и Мэрали являются как бы воспоминанием о событиях пудемесвий Сервантеса во время оудаль, но в дни юности, между тем, как в 10-ой и 11-ой главы III-й книги посвяты на себя следы ^{его} горских воспоминаний о своем плыть в Алжирь. Следующий факт оговаривает его близкое знакомство с Португалией, обнаруживаемое в этом произведении. Как почти во всем, что Сервантесом написано, так и

здось ~~въ зрѣлыя произведеніи~~ ны часо вступашь черкы и францы изъ его соборственной тизни. Вообще все они написаны заимъ заимъ, ~~оригинальнѣе~~ слога, каковъ, можеть бытъ, ни одно другое изъ его произведеній. Но въ концѣ концовъ зрѣлы романъ далека оу зого, гдѣ еста, м ело самъ авторъ и его друзья, видѣвшіе въ немъ од, разное произведение въ зрѣлы поэтическомъ родѣ и лучшее звореніе Сервантеса. Птьмъ не менше изъ вствъ произведеній Сервантеса „Персилесъ и Сигизмунда“ имѣли мабольшій успѣхъ. Въ два года явилосъ восемь его изданій, а оу 1618—1626 гг. оно было переведено на итал, испскій, французскій и англійскій языки.

Передъ смерзю Сервантесъ болше или менше призо, вилъ еще къ печати еще слѣдующія произведенія: „Las ^{Medallas} Gemas del Fardin“, оубввленное еще въ 1613 году; вво, рую часо „Талазен“, оубввленное въ 1615 году; „Бернар, до“, упомянутое передъ самою смерзю въ посвященіи къ роману „Персилесъ и Сигизмунда“, и, наконецъ, нѣскольско псезь, упоминаемъ въ предисловіи къ раку, те изданнымъ псезамъ и въ приложеніи къ „Viaje del Parnaso“. Все эти произведенія въ настоящее время, вьоронно, потеряны. Приписывались ему и другія произведенія.

Возь, президе всего, „Viscarie“, произведение, которое нѣкоторые комментаторы счидаютъ вполне произ-

ведение Сервантеса. По Дону Адальсоро де Кастро оно
носит следующее заглавие: „Защитительная малель-
кая книжечка, по имени Виссарие, в которой, кровью
офицной утешости, гитарель найдеть объяснение всего
скризного и зайного, заключающагося въ Донъ-Кихотъ
Ламантскомъ, написанномъ пькимъ Сервантесомъ.“

Въ Виссарие Сервантесъ изображаетъ себя тѣмъ, идущимъ
на своемъ муле по дорожке къ Толедо; прогнавъ Рувенте
Толедана, онъ беретъ какого-то бакалавра, тѣмъ, идущаго
на старой клячкѣ, которой удаеся однако сбросить съ
себя всадника; очевидно, что между лошадию и всадни-
комъ идетъ горячій споръ, такъ какъ онъ давитъ или оура-
мъ, вьдетъ. Сервантесъ молодежно помогаеъ всаднику вьста-
на ноги; обидѣвшись другъ съ другомъ пьсколькими
словами, нуфешесветники порываютеъ провеети вре-
мя влѣтеть, укрывшись оуъ насрутающаго дневного
жара подъ рѣдко близкаимихъ деревьяхъ. Бакалавръ,
малельскій, глуновозный, но самодоволеннй челоуечеъ,
весьма безобразной наружности, вынимаетъ изъ своего
мѣшка для ободного развлечения двѣ книги. Пер-
вая изъ нихъ носитъ заглавие: Духовныя срихозворе-
ния Педро де Эинаса; содѣстѣтникомъ хвалитъ эту книгу,
прочеъ Сервантесъ говоритъ оуъ ея авторе, какъ о
своемъ знакомомъ. Вторая книга — Донъ-Кихотъ,
о которой Бакалавръ выражаетъ весьма пренебрежи-

земли. Мискомско смущенный его отзывомъ, Сервантесъ
 доказываетъ въ обширнѣйшихъ выразительнѣхъ, не только ни малѣй-
 шаго намека бакалавру, что онъ говоритъ съ явнымъ
 что книга не была дозрѣннѣе, что она не была изъ
 мира пережившии себя и пережившии рыцарства. Но зиславъ,
 мой и болзливый маленскій бакалавръ поединкомъ отъ
 далекъ отъ предмета, предпочитаетъ говорить о себѣ или раз-
 сказывать анекдоты изъ жизни своего ордена; когда же онъ
 съ болзшими зрудомъ удакъ вернукъ къ предмету земли,
 онъ нападаетъ на Донъ Кихота за то, что въ немъ при-
 знакъ существованіе сражающаго рыцарства въ
 эпоху изданія книги, стало бытъ и въ то время, когда
 бедѣтъ Делла; Сервантесъ защищаетъ и въ доказатель-
 ство истинности своего разсказа ссылается на приказы
 Суэро де Кимбонеса и Карла V. Суэро де Кимбонесъ именно
 играетъ видную роль въ дѣлѣхъ туркиръ, происшедшъ,
 шель въ 1434 г. на мосу въ Ордино, близъ Леона. Могъ,
 мой разсказъ отъ этого туркиръ носилъ названіе, Разс-
 хотого (Путь земли). Туркиръ продолжался ровно трид-
 цать дней и въ какое время года, когда дорога была пере-
 полнена рыцарями, тахавшими на поклоненіе гробу
 св. Якова. Рыцарь Суэро де Кимбонесъ, сродъ на мосу,
 вызывалъ на поединокъ всякаго протызнавашаго ры-
 царя, думая этимъ подвигомъ освободиться отъ отъѣда, добро-
 вольно положеннаго мнѣ на себя въ гелсъ какой-то

дама и состоявшего в золь, что отъ каждый герверъ
 долженъ былъ носить на своей шее ^{цѣпи} медьзвучную Приго,
 зовенія къ этому невѣроятному турниру происходили
 по приказанію самого короля. Хроника говоритъ, что
 Кингонеса сопровождали девять сподвижниковъ (тан-
 тендотес) и что въ продолженіе зрѣдѣннхъ дней въ ре-
 царей приняты вызовъ Кингонеса. Въсѣхъ свидѣль-
 было 627, на которахъ было положено ссудедесять
 семь копій. Мръ утасфвучицхъ въ турниръ одинъ ара-
 гонскій рыцарь былъ убитъ и много раненъ; въ
 письмѣ послѣднихъ находимся самъ Кингонесъ и вост.
 перо мръ его зоварицей¹⁾. Съ другой стороны, бакалавръ
 замкаеръ, что онъ былъ бы радъ, еслибы все описанное
 въ Доув-Кикозѣ оказалось справедливымъ, что онъ самъ
 сдѣлался бы въ законѣ слуга сфрансфвучицхъ рыца-
 рьскъ и подобно другимъ рыцарямъ приобрѣлъ бы се-
 бѣ и привилегію и королевство. Все это онъ говорилъ
 въ сфрансфвучицхъ-мелтарилнотъ ссилъ Доув-Кикоза,
 на котораго онъ по временамъ сильно ^{сѣмѣнѣн} смѣхивалъ.
 Серванзеръ возражаетъ, доказывая реальное существо-
 ваніе сфрансфвучицхъ рыцарства ссылками на Оливье
 де ла Марша, которые какъ же мало идутъ къ дѣлу,
 какъ предвѣщія ссылки на Кингонеса и Карла V.
 Возвѣннувшая дѣстѣда нуремсфвенниковъ прерыва,
 средъ дракой между клѣпей бакалавра и нуремъ

1) Хроника Луана II.

Сервантеса, напоминающей подобно же драку Росси, наизе съ Галицианской лошадию (въ 15 главъ I-й части Донъ-Кихота), окармливающейся полными поражени, съ клячи бажкалабра. Событїе это полагаю предель разговорю и заключаю съ сего брошюру. Сервантесъ уязвляю, оставляя несчастнаго бажкалабра на произволь судьбы.

Теперь несколько замечаній, касающихся содержания брошюры Виссаріе, издавннй де Касуро. Хотя на заглавннхъ листехъ ея значится, что здесь мы возрѣдимъ объясненіе всего скрываго и тайнаго, находящагося въ Донъ-Кихотѣ, но объясненіе это охватываетъ не все, полнотннмъ; хотя по замечанію де Касуро произведеніе это написано Сервантесомъ съ цѣлюю защиты, затѣ себя отъ нападеній задторннхъ или чуждннхъ произвннковъ, ни одннхъ изъ этихъ произвннковъ не упоминается въ реферѣ, затѣ что Сервантесу приходится защищаться въ шутливомъ тонѣ отъ нападеній маменскаго бажкалабра, утверждающаго, что срамннвующее рыцарство еще продолжаетъ свое существованіе въ Испаніи. Конечно, подобное нападеніе не могло быть совлано на Сервантеса ни одннмъ сколько нибудь разумннмъ или чуждннмъ человекомъ, отъ него и защита автора ведется въ комическомъ тонѣ и съ ннма позолю, что безсмысленна.

Следующее упомянутое замечание о том, что в Виссарие Сервантесу благоденствует в уста презрительный отзыв об Алкаль Эмаресской, мейстер его родины, которой он всегда гордился; что видный иль бакалавр распространяется о посредной зрелости оца Сервантеса, а и об его содобенномъ искорбномъ увѣченъ въ зонтъ, несообразующицею зоткою губею и знанію теловѣческаго сердца, составляющими одну изъ преобладающихъ чертъ нравственнаго характера автора Дон-Кихота.

Уало-было, небольшая брошюра, издаваемая де Касуро, если исключить изъ нея два или три оуплавающихъ гробомъ реализмъ мейста, можетъ быть названа веселой и оурачливой бездышкой. Авторъ ея обнаруживаетъ даръ живого разсказа, замѣтательно близкое знакомство съ произведеніями Сервантеса и съ лиурачурой его эпохи. Если де Касуро самъ написалъ ее, то вѣроятно не безъ намѣренія обвѣнать свое имя, когда наступитъ удобное время; сдѣлавъ это, онъ безъ всякаго сомнѣнія приобрьдетъ свои новыя лавры, не нанесши никакого ущерба ба Сервантесу. Но если онъ не былъ авторомъ Виссаріе, то очевидно онъ былъ введенъ въ заблужденіе содержаніемъ рукописи, купленной иль при оурачествованіи, засрабившимъ его увѣривать въ ея подлинности.

Прогиде всего насъ удивляетъ зо оурачествомъ, что

произведение величайшего и популярнейшего писателя Испании находилось в продолжении двух с половиною веков в совершенном забвении, что в течение этого времени оно преспокойно путешествовало из Мадрида в Лиссабон и обратно в Испанию, не смотря на то, что в последние 40 лет оно возбуждало не мало толков и его повсюду ревностно искали. Не долгие удовлетворительна и изорит рукописи Виссарие.

Без изъятия, что она пресиде всего, была списана 27 февраля 1606 года в Мадридъ с другого списка для сенсора Агустино де Арозе, сына благородного семейства, Севильского рыцаря (успокой Тосноди его думу!) Гонсало Зариеко де Молина. ("Copiöse de otra copia el año de 1606 en Madrid, 27 de febrero año dicho para el Señor Agustín de Aróz, hijo del muy noble Señor (que Sancta gloria haya.) Gonzalo Zarieco de Molina, un caballero de Sevilla"). Но отец и сын де Молина уже давно ^{до} 1606 года умерли, следовательно и в это время означенном здесь налицо не было.

Далее уверяют, что рукопись брошюры Сервантеса хранилась в библиотеке герцога Лафозса, о чем свидетельствуют находящаяся на ней португальская надпись, впрочем не помнящая годовых. Но, Пик. ^{совершенно верно} морь (спрашивающъ): „возможно-ли, чтобы рукописи

1) Da Livreria do Senhor Duque de Lafoes?

Сервантеса, находившаяся в такой библиотеке, оказалась незамеченной? Возможно-ли, чтобы ее оставили безъ внимания владетель библиотеки герцогъ де Браганца (1719-1806), одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, другъ принца де Лима, Марии Терезии и Фридриха Великаго, основатель и президентъ Миссидонской Академии, собиравшій естественнo въ своемъ салонѣ вѣннскихъ ученыхъ и литераторовъ Португалии? Возможно-ли допустить, чтобы нашедшаяся въ библиотекѣ такого человѣка рукопись Броннора Сервантеса, котораго въ 1780 году по повелѣнью разыскала испанская Академія, оказалась незамѣченной ни ему, ни какому кружку ученыхъ, окружавшему его въ продолженіе его долгой жизни? Наконецъ, ^{можетъ} сраженье-ли было, чтобы Броннора Сервантеса совершила небудничкой свой образный путь въ Испанію, пока она не нашла пріюта въ библиотекѣ андалузскаго адвоката Донъ Паскуала де Тандары, ^{который} самъ, жившій въ Лиссабонѣ, въ эпоху ошлывленнаго спора по поводу нея между Маваррре и Клеменсиномъ, не подозрѣвалъ ея важности и значенія, а удивившись въ нѣмъ заимъ бы своего заимъ оъ всего міра? Такова развѣясенная Пискоромъ вѣннскія исторія произведенія Сервантеса, которая ^{каль} кажется весьма подозрительной. Не болѣе удивлительна, какъ мы уже видѣли,

его вычужденный вторичность.

Во-первых, Виссарие представляется собою такое близкое подразделение Сервантеса, на которое едва ли бы решился кто самъ. Малою оно сходно съ прелогомъ къ Персилесу и Сигизмунду; разговоръ, который ведется здесь Сервантесъ со странствующими студентами медицины, очевидно послужилъ образчикомъ разговора его со странствующими бакалаврами въ Виссарие; съ другой стороны, разговоръ этотъ, начинающийся оцѣнкой двухъ современниковъ авторовъ и полный намековъ на современную ли, заразу, напоминаетъ собою оцѣнку Библиогеки Этов-Килоза; онъ оканчивается очевидной параллелью разсказу о погонщикахъ и ихъ мукахъ. Словами, многими мѣста Виссарие напоминаютъ собою многія мѣста различныхъ произведений Сервантеса, чаще всего его *Admirata al Tamaso - Приложение къ Туремесубито на Парнассъ*. Подразделение просируется до того, что иногда цѣлыя фразы почти буквально заимствуются у Сервантеса. Но эти выражения во всякомъ случаѣ не кажутся ни, доль небрежности автора, случайно подразмечающего самому себя. Напротивъ того, они съ первого взгляда имеютъ видъ выражений тщательно подобранныхъ съ цѣлью образнаго особаго вниманія на мѣста, въ которыхъ они встречаются, съ цѣлью показать, что намѣренія автора не выходятъ изъ очерченнаго вокругъ него небольшого

круга — задача неисполнимая по отношению къ смѣ-
лому и свободному полету ума, создающему ему харак-
теристическую черту гений Сервантеса.

Во-вторыхъ Виссаріе содержитъ въ себѣ много намековъ
на произведенія мало извѣстныхъ авторовъ и давно поза-
бытыхъ лирическихъ бездѣлки. Если случается въ этомъ
отношеніи исключенія, то о нихъ замечается забывающа-
ся особото формальностию; они сопровождаются при-
мечаніями издавеля до того подробными и тѣсно
связанными съ текстомъ, что издавелью невольно при-
ходить въ голову, что скорее самый рецензъ примороб-
ленъ къ примечаніямъ, нежели эти послѣдніе къ тек-
сту. Во всякомъ случаѣ Триккортъ не видитъ никакого
основанія считать Виссаріе произведеніемъ Сервантеса
и сравниваетъ его подъ записку его великаго имени.

Въ 1847—1849 гг. не мало спорили о напечатаніи,
озаглавленномъ въ Виссаріе, написанномъ Будо де
Сервантесомъ векоръ после изданія I-й части Донъ-Ки-
хоа. Въ биографіи Сервантеса, написанной Висенте
де лосъ Ріосомъ и предпосланной великолѣпному
изданію Донъ-Кихоа, ствольанному въ 1780 г. испанскою
Академіею, говорится, что согласно преданію — впервые
указанному Пеллисеромъ всего за два года до акаде-
мическаго изданія — вышедшая въ 1605 г. I-ая часть
Донъ-Кихоа была принята публикой холодно, что въ видѣ,

увидя этого авторъ удалъ анонимной памфлетъ, въ ко-
торомъ, съглавши остротливый разборъ своего произведе-
нiя, въ заключенiе далъ похваля, что Донъ-Кихотъ със-
кроудъ сарира на некозоровъ базинъ и въль въ извѣст-
нѣ лица, что благодаря такой хакрике модонизерво
публики было возбуждено и книга получила извѣст-
ность, гарантировавшую ея дальнѣйшiй успѣхъ.

Въ примѣчанiи къ этому преданiю помѣщено пис-
мо ^{Антонiо} Донъ-Антонiаса — о личности козорого почти ничего
неизвѣстно — оубъ 16 декабря 1775 г., въ козорокъ сообщено,
что 16 мѣсяца тому назадъ въ домъ графа Сайедн отъ ви-
дѣль Экземпларъ Виссарие, что это маленская безымен-
ная бромора, написанная въ Мадридѣ хорошими
ирисфудомъ, но на плохой бумагѣ. Донъ Антонiо увѣ-
ривъ, что изъ Виссарие отъ узналъ, что Коля Днйсубро,
члѣн лица въ Донъ-Кихотъ Дончесо кажда въ мѣсяцѣ,
походившiя или мѣсяць некозорово отношенiе къ мо-
довнымъ походившiямъ императора Карла V и его кри-
блищеннымъ. Разсказъ Донъ Антонiо, орудующiй оубъ
упомянутого въ дечерѣ преданiя во всель, что оубъ,
сидя къ Карлу V, не прекинуть возбужде сомнѣнiя.
Первымъ, выразившимъ свои сомнѣнiя, былъ Пеллисеръ,
сказавшiй, что еслибъ все оубъ было справедливо,
отъ все-таки сомнѣвался, тогда Виссарие было напи-
сано Сербанчесомъ, Маварресе томъ зого мѣсяца, что во

вселем эромь дьяль езе какое-то недоразумение, что Серван-
тесъ никогда не могъ бы приписываемымъ ему образомъ
намекать на императора; вносительствъ Клеменсита бы,
сказаль предломене, что экземпляръ Виссарие, яко бы
виданный Дюномъ Антонио, могъ быть кофрражурой,
ловко сбитой графу Саседа, геловоку Богазолу и охот-
нику (rico y dolo) до подобнаго рода произведений. И
действительно, намеки на Карла V, мелкые сами по себе,
и зодь фрауръ — неизвѣстный Академикъ въ 1780 г., когда
она дьяла свое издание Донъ-Кихота — это въ годъ выхо-
да въ свѣтъ первой части Донъ-Кихота вышло еще одно
за другимъ еще зри ея изданія, едва успѣвавшие удовлетво-
рять возбужденной интересъ публики, какъ рождалась
свидѣтельствуетъ въ пользу немедленнаго успѣха Донъ-
Кихота, что давно уже многимъ приходило на мысль,
что ни въ какомъ Виссарие не было нужды и что по-
добная брошюра никогда не выходила, а съ теченіемъ
времени даже споры по этому вопросу прекратились
въ средн. времени, за исключеніемъ развѣ только лицъ,
которые специально занимались жизнью Сервантеса.

Донъ Хосе Моръ де Фрунцесъ въ своемъ Dialogo de
Miguel Cervantes (Барселона, 1835 г.) говоритъ, что бы,
зучи огеи близокъ съ графомъ Саседай, зода еще бывши
въ шивахъ, отъ издательско перервалъ его библіотеку,
помѣщавширохъ въ его дворцѣ въ Мадридѣ и Аранъ.

хуэсть, но что отъ не зовско не нашли ни одного экземпляра Виссаріе, но даже упоминаемъ объ эроне произведеніи въ каталогахъ Библіотеки, какъ сфарбитъ, такъ и повилъ.

Но въ 1847 г. эронъ вопросъ снова вынаричь на поверхность. Донъ Адольфо де Касстро, молодой андалузскій дворянинъ, ревностно изучавшій сфаринную испанскую литературу и написавшій историческо любознательныхъ историческихъ сочиненій, свидѣтельствующимъ объ его трудолюбіи, заявилъ ученому міру, что ему съ тайно удалось добыть одинъ списокъ Виссаріе. Въ 1848 г. отъ отдалъ новое изданіе Брошюры съ весьма ценными приложеніями, причелъ же съ, напечатаннымъ критическимъ приложениемъ, занимающъ 46 страницъ, а приложеній 188 страницъ. Въ предисловіи Донъ Адольфо говорить, что изданіе отдало съ рукописи, добытой имъ изъ Библіотеки Донъ Паскуаль де Тандари, ученаго адвоката, жившаго въ городѣ Санъ-Фернандо, что по смерти владѣльца Библіотека была перевезена въ Кадиксъ, гдѣ и продавалась съ пудлингова зорна. Все другое объ эронъ Брошюры мы уже знаемъ.

Въ 1824 г. была отдала, въ родѣ какимъ-то, Бюб (какъ Шикторъ предполагаетъ) отрученіемъ имъ, целъ, курьезная попытка прибавитъ два главы къ Донъ-Кихоту, козоровъ Бюдо бы были запрещены при немъ.

зачин второй части. Но испанская академия не согла-
 мля, даме дозоймими пелазу. Къ эзуимъ апокрифиче,
 скими главами можно присоединить также письмо о
народномъ празднествѣ, часть котораго напечатана въ
 12-ю томъ зомъ „Biblioteca de Autores Españoles“, 1851 г.,
 р. XXVII.

Резюме.

Слава Сервантеса основана исключительно на его эт-
 ческихъ произведеніяхъ, не смотря на единичныя выда-
 ющіяся дозоймперва его драматическихъ звореній и нъ,
 которыхъ лирическихъ стихозвореній. Самое скрольное
 мьего мейду ними занимаеъ его пастушескій романъ
 „Галаря“. Воиме сродъ его „Новеллы“ по своей силе
 и богатству фразизм, по шибосе и редкому знанію
 жизни. Темій Сервантеса высунаетъ всего прозе въ
 зтомъ „Новеллахъ“, котора рисуютъ народную жизнь,
 или же возникли изъ содзвенныхъ воспоминаній
 автора, каковы: „маленская цыганка“ (Преціоза), Срек,
 ланвий Миротцавъ, „Ревнивий Ферреладурецъ“, „Благо,
 родная сорнистая“, „Испанка-Англичанка“ (или „Траха въ
 Англии“), „Великодушный любовникъ“ и др.

Последній романъ „Персилесъ и Сигизмунда“ показы-
 ваетъ необдикновенную силу фразизм и даетъ ясное по-
 нятіе о гуманныхъ представленійхъ южныхъ шиделий
 о северъ Европы; зтомъ романъ, вопреки ошиданійхъ

Сервантеса и его друзей, не было признавать его лучшим зворением, но как бы то ни было, отъ заслуживаетъ, полного интереса, какъ доказательство несокрушимой силы почти сепидесятилетнего автора.

Телъ лучшего зворенія ^{Сервантеса} его ~~автора~~ безспорно принад, лежить, по единодушному приговору зрель сзольтій, его *Донъ-Кихоту*, — произведенію, козорое долже, чьль всякое другое современноу автору эпохи и даже позднѣи, шиль времени, носиль на себѣ глубочайшій ознелатокъ націоналнаго характера, выразительль козорого оно являеся и козорое всеобщее эзого спискала, въ свою очередь, всеобщую любовь нации въ такой степени, ка, какъ никогда не выпадала на долю другихъ художес, венныхъ произведеній. Шрасть, выше всего являеся Сервантесъ въ своемъ романѣ *„Донъ-Кихотъ“* — самое фран, мель и почти единственное изъ романовъ, козорой сохраниль свою жизненную силу въ зекеніе чже долже зрель сзольтій и, не сморъ на давность, продолмаея до сихъ поръ производиль гарущее впечатлѣніе. По первоначалному плану Сервантесъ не былъ намырель иди далже сатиры, направленноу прозавъ французскіи, ческиль и лишенниль вкуса французскиль романовъ, козорые наводиль Испанію, и насильски надъ зведе, ченіемъ его соозелесувенниковъ подобнымъ художес, ннымъ произведеніямъ зодатней литературы. По время

самого сочинения романа роет интерес автора к созданию иль образам; какъ великій поэтъ, онъ вложилъ въ свое зверение неиздѣлано больше, чѣмъ допускала проза, первоначально задуманный планъ, а потому взоръ романа естъ столь же прозаичъ прозивъ испанской наклонности къ приключеніямъ, и испанскаго презрѣнія къ гражданскому порядку, сколько върное изображение вѣтхой прозивоположенности и борьбы идеальной и реальной сторонъ геловытеской жизни. Въ основаніи зверения Сервантеса лежали не садира прозивъ энчирида вообще, глубокое жизненное значеніе котораго бросаеца въ глаза даже въ графическомъ образѣ Ламанскаго дворянина, и не мѣзкій ударъ, направленный по мѣтѣннѣ позднѣйшихъ кризисовъ, разбиравшихъ, Донъ-Кихота; прозивъ идеала аристокраци вообще; образы рыцаря и его мушкетера оруженосца представляють зинты, съ одной стороны, исключительнаго идеалиста и фантазера, съ другой — столь же односторонняго грубаго реалиста, который однако сильно въриже въ гудеса богачевъ и честила, а потому и принимается охотно участие въ предпріятіяхъ идеалиста. Сила, психологической глубины и универсальности идеи соотвѣствуютъ богачеву зворесерва, неисчерпаемый запасъ увлекательнаго юмора, остроумной шутки, законченность рѣзкой и вѣтвѣтвой изомненнѣйшей характеристики, живопись и великолѣпіе красокъ въ описаніяхъ.

самим востынными явлениями жизни, и, наконец, просо, за многолетия, не исключаящая ни силы и доуховности, ни ксуду проявляющейся легкой веселости. Мнкозорая переломна въ раскрытии дѣла и въ воззрѣніяхъ авго, ра замочаеся во II-й части, напечатанной десятиго. дами позже; идея вырабатывается сознательные, образъ Санго Понсо высудуаеся на передній планъ и именно въ неподражаемомъ эпизодѣ мзагмбзерева на острове Баразарид; сакура, пресиде направленная прозубъ ры, царскаго романа, направляется уже прозубъ пасудие, ескихъ романовъ; сцены же въ герцогскомъ замкѣ, гдѣ идея представление съ угасилемъ Дотвъ-Килора, не мръзды оръ мнкозорой горечи. Но главный перри звор, рева Сервантеса и во взорой части высудуаеся съ зото же силой. Огало-бугъ, одъ части влывеся вздрма пред, сравляеся самый замочаеваемый мандромъ позже, скаго генія ^{новѣйшихъ} вѣствъ времени.

Но хотя этого достаточно, чтобы преисполнить мѣру человѣческой славы, однако это еще далеко не все, чего за, слушиваеся Сервантесъ. Если мы желаемъ воздать ему должн, кое закъ, какъ было бы ему всего прилично, и заходемъ сами вполне понять и насладиться его Дотвъ-Килоромъ, го мы должны, гирая его, посподнимо держаться въ мандрѣ, что этоъ превосходный романъ не болѣе рзультатомъ юномескаго полнома губево и еласливствѣ востынныхъ

условій, не били написати въ его лучшие годы, когда духъ его парилъ высоко и били полны блестящихъ надеждъ, но что онъ, при всемъ своемъ неисхожденномъ и увлекательномъ юморъ, при всемъ своемъ взгляды на миръ и радостной быть въ добро и добродетель, били написати обзоромъ въ глубокой старости, на закажъ жизни, каждый шагъ которой били озарены несбавшимися ошудами, ями, обезсиляющего борбю съ лихенями и срада, мидми, что онъ били наказъ въ зорьме, а окончень же, да, когда Сервантесъ уже губевовалъ на своемъ сердцѣ здрелую и холодную руку смерти. Только при такомъ условіи мы можемъ проникнуцца вообще не только удивленіемъ и благоговеніемъ къ живой поэтической силѣ, стоящей ключемъ изъ Донъ-Кихота, но и къ характеру и личности самого Сервантеса; учтивъ же все это изъ виду, мы не будемъ въ союзномъ отношеніи по дозволенью ни го, ни другое.

Послѣ этого слова высококаго мнѣнія Пикнора о за, слугахъ Сервантеса, я не могу отказатъ себя въ удовольствіи привезти и слова скромнаго и умнаго сэра Вильяма Шелли, козорой, говоря о сатирическихъ произведеднхъ и цурекая Радъ въ неприсвойности и цинизмъ, замѣчаетъ: „Неравнѣнный обзоръ Донъ-Кихота заслуживаетъ удивленія преимущественно за то, что написанъ подобное превосходное сатирическое и юмористическое.“

1) Какъ Гюге написалъ II-ую часть Фруаза

художественное произведение безъ звать индигенцовъ, въ самомъ
достоинствѣ и высокоствѣ звать, котораго когда-либо упреждъ,
идея или будешь упреждающе въ подобнаго рода сочине-
нiяхъ".¹⁾ Къ этому можно прибавить слова мнѣнiе
д-ра Джонсона, котораго, по словамъ миссисъ Пьюзи,
говоря о Донъ-Кихотъ, какъ о забавной книгѣ, звать не
менше, утверждалъ, что романъ Сервантеса есть величай-
шее произведение въ свѣтъ после Гомеровою Илиадою.²⁾

Мнѣнiе говоритъ, что, кромѣ ни одного испанца,
которому Сервантесъ былъ бы совершенно неизвѣстенъ;
и содѣланнымъ ^{наблюденiемъ} Шикнора въ Испанiи вполне подтверди,
даже утверженiе Мнѣнiса.³⁾ По крайней мѣрѣ никто
изъ насъ, ^{говорящихъ Шикноръ,} къ кому я обращаюсь съ вопросомъ — въ числѣ
мнѣ было много лицъ изъ низшихъ слоевъ общества —
не выказалъ полного незнакомаго съ Донъ-Кихотомъ
и Санчо Панса.

Представленный Шикноромъ, въ III-мъ томѣ его пере-
ри испанской литературы, перечисляетъ различные изданiя,
переводовъ и предисловiя Донъ-Кихота, вышедшия въ
звѣтъ въ зеченiе двухъ послѣднихъ выковъ, какъ оче-
ни обширнее самъ по себѣ, все-таки, не дающаго полного
понявiя о популярности, котораго пользовалось это не-
обыкновенное произведение, потому что есть тысячи
людей никогда не читавшихъ Донъ-Кихота, никогда не
слышавшихъ имени Сервантеса, но для которыхъ имена

1) Ср. его Works, London, 1814, III. p. 436.

2) См. Boswell's Johnson, Croker's edition, 1831, IV, pp. 377, 378.

3) См. Inglis, Rambles in the Footsteps of Don Quixote, London, 1837, p. 26.

зрѣнія въ послѣднія десятилѣтїя XVI столѣтїя возмозима
 была только при помощи Испанїи, самаго могущаго и свѣтлаго
 католическаго государства въ сказанное время. Испанїя
 именно содѣлалась нѣрскимъ боржомъ и крѣпкимъ оплотомъ,
 зорью церкви, и начало время, когда сражалъ передъ испан-
 скими солдатами и дипломатїей ни въ кѣмъ не черуналь
 сражу передъ римскими легадами и иезуитами. Въ
 самомъ дѣлѣ, Испанїя была единственнаго сражасою,
 въ которой католическїи духъ не только было возбужденъ,
 да и искусственно и насильно навязывалъ его народу.
 Инквизиція, во вѣсѣхъ другихъ сражасяхъ давившая инсиро,
 козго и умасовъ, въ Испанїи была почти популярна
 со своими зорьками, судами, публичными и козрами.

Испанское государство, правда, уже при императорѣ
 Карлѣ V (1519—1556) достигло высшаго пункта своего раз-
 витїя, такъ что въ злополучное царствование Филиппа
 II (1556—1598), не смотря ни на гегемонїю надъ вѣсѣхъ
 католическими миромъ, ни на побѣдныя лавры Лепан-
 то (1571), ни на завоеванїе Португалїи, начался упадокъ
 Испанїи. Но зорью не меньше въ зренїе цѣлыхъ десяти-
 лѣтїи это постепенное паденїе ощущалось зайной для
 всего міра и всего больше для самой Испанїи. Сознанїе,
 нѣ претаннїи побѣдъ и зрїумровъ въ сражасяхъ и по-
 воль свѣтъ, коренившееся еще въ среднїихъ вѣскахъ
 и реперъ вновь искусственно возбужденное религиозное